

КОСТЁР

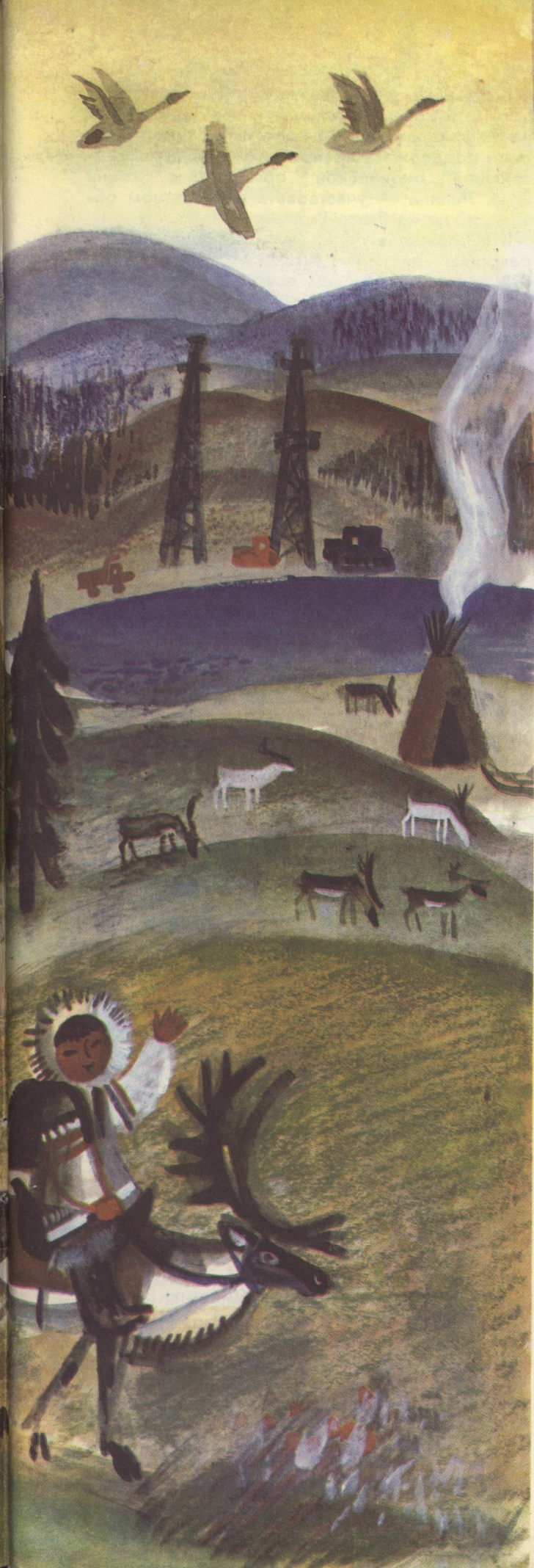
9 СЕНТЯБРЬ 1976

НА УРОКЕ

Рисунок Иры Фоминой, 9 лет, Ленинград

Рисунок К. Претро

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА!

Вот и кончилось пионерское лето. Наступил сентябрь.

Ты, конечно, хорошо отдохнул, накопил силы для нового учебного года.

А летом ты вспоминал о школе, школьных друзьях и пионерских делах? Весной на отчетном сборе отряда тебе дали новое пионерское поручение? Может быть, ты вошел в совет пионерской дружины школы?

Давай вместе с тобой подумаем о твоём личном участии во Всесоюзном марше пионерских отрядов, посвященном 60-летию Великого Октября. Ведь с самого начала учебного года в любой пионерской дружине дел — хоть отбавляй. И каждый знает, что чем больше в дружине интересных затей, тем увлекательнее жизнь всех ребят.

Ты уже знаешь о важном событии в жизни нашей страны — о XXV съезде Коммунистической партии, его решениях. Твои учителя, вожатые, твои родители стараются сделать для тебя понятным и близким все, чем живет страна, ее замыслы и свершения.

Для каждого пионера пятилетка — это его город или село, в котором он учится, пионерский лагерь, где он отдыхает, это его будущее, о котором он мечтает.

Каждый пионер знает о размахе всенародных планов пятилетки, но сердцем он должен ощутить и другое: что же внесла пятилетка в жизнь его семьи, в труд родителей. Какие изменения произошли рядом: на улице, где ты живешь, в родном городе, селе, поселке.

«Зеленый наряд Отчизны» — так на V Пленуме ЦК ВЛКСМ назвали новую пионерскую операцию, посвященную охране родной природы, участию пионеров и школьников в преобразовании Родины. Еще шире должна быть развернута деятельность школьных лесничеств, «голубых» и «зеленых» патрулей, работа по охране птиц и животных, обитателей рек и озер, зеленых насаждений в городах и поселках.

Каждый пионерский отряд, каждая дружина должны принять участие в создании лесозащитных полос, в озеленении и благоустройстве улиц, школьных дворов и парков.

Не забывайте, что для каждого из вас Пятилетка — прежде всего работа ваших отцов и матерей, старших братьев и сестер.

Знакомясь с решениями партийного съезда, вы узнаете о ваших современниках — комсомольцах 70-х годов, о красоте их труда. Ведь в Нечерноземье и на БАМе, на комсомольских стройках и колхозных полях любого края именно они побеждают суровую и непроходимую тайгу или дарят новую жизнь старым городам и селам, полям и пашням.

Вспомните, как создавался Дворец пионеров на Чукотке, как высаживали сад Дружбы на Мангышлаке, — и вы захотите с новыми силами поддержать прекрасную традицию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — участвовать в радостном общем труде на благо Родины.

Кто может лучше, чем старшие друзья, рассказать пионерам о роли комсомола в новой пятилетке? Прежде всего вожатые-комсомольцы. Кто может увлечь творческим характером труда? Рабочий, новатор производства, колхозник, герой трудового подвига. Кто может открыть глубины научного поиска, открыть мир современной науки и техники? Ученый, инженер, студент.

Тесная дружба с коммунистами и комсомольцами — самый хороший урок для вас.

Боевой пароль наших дней — слова «эффективность и качество».

И в новом учебном году самый главный, самый важный ваш труд — учеба. Именно в учебе, в труде воспитывается будущий мастер, будущий хозяин Страны Советов.

Приобщиться к всенародной заботе о высоком качестве — значит, в первую очередь проявлять интерес к знаниям, развивать самостоятельность, трудолюбие, умение организовать режим своего дня. Учение не ради кого-то или чего-то, а учение с интересом, с высокой степенью сознательности, с мечтой о будущем участии в коммунистическом строительстве — основа борьбы за качество знаний.

«Ни одного отстающего рядом» — рабочий лозунг пятилетки. Что он значит? Повышение ответственности каждого пионера, каждого школьника за учебу, за создание обстановки нетерпимости к лени, нерадивости, второгодничеству.

Надо, чтобы вы все поняли: отличные и хорошие знания имеют прямое отношение к десятой пятилетке, к планам партии, свершениям народа.

Во всех пионерских отрядах страны в сентябре—октябре пройдут сборы, на которых вы обсудите программу Всесоюзного марша пионерских отрядов, материалы VII Всесоюзного слета пионеров в Артеке, наметите конкретные дела по достойной встрече 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

2 октября — в День Всесоюзной пионерской линейки — пройдет сбор каждой пионерской дружины.

Выходите на старт соревнования за высокое право подписать рапорт Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Центральному Комитету КПСС к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Анатолий ДЕРКАЧ,
первый заместитель
Председателя Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации
имени В. И. Ленина

НАЧАЛО ПУТИ

Вадим ИНФАНТЬЕВ

РАССКАЗ

Рисунки И. Харкевича

В болгарском городе Русе (Руцукe) на высоком берегу Дуная в Молодежном парке в тени большого дерева стоит бронзовый тринадцатилетний мальчишка и, подняв острый подбородок, смотрит на северный берег Дуная. Это Райчо Николов. Отсюда он сделал первый отчаянный шаг в большую, полную опасностей и героизма жизнь.

...Взгромоздившись на просторный холм, засыпал город Руцук, нацелив в небо острия своих минаретов. Его кривые тесные улицы с каменными заборами излучали в темноту дневной жар и запахи сточных канав.

Позвякивая снаряжением, по темным улицам ходили военные патрули. На всех выходах из города установили заставы, где придирчиво осматривали каждого идущего и едущего.

В самой лучшей комнате руцукского ремесленника хаджи Васила спал турецкий полковник. Он поселился здесь неделю назад, был прям, тощ и высок, и если бы вместо фески он носил остроконечный колпак, то походил бы на ходячий минарет. Хозяин с хозяйкой дома

теперь ютились в дальней угловой комнатке. Внизу, в полуподвале спала прислуга и ученики. Не спал только тринадцатилетний ученик Райчо Николов.

Сегодня днем часовой у ворот не выпустил хозяина со двора. Офицер, состоящий при полковнике, к которому обратился хозяин, отрицательно мотал головой. А хаджи Васил доказывал, что ему нужно по делу, иначе он разорится. Офицер разрешил послать кого-нибудь из учеников и показал на Райчо.

Хозяин велел Николову отнести корзину с товаром и записку на Торговую улицу к хаджи Стояну, порылся в кошельке, высыпал в ладонь Райчо несколько монет и велел на обратном пути зайти к дяде Сотиру, купить бутылочку ракии.

Обычно несколько раз в неделю, после того, как закроются лавки, к дяде Василу приходили гости. Хозяин заставлял Райчо прислуживать: почистить туфли гостям, еще сбежать за ракией. Райчо слышал их разговоры и уже знал, что Дед Иван (так звали тогда в Болгарии русских и Россию) начал войну

с турками, что адмирал Нахимов в щепы разбил турецкий флот у Синопа и что скоро дед Иван начнет гнать турок из Болгарии. Русские осадили турецкую крепость в Силистре, что ниже Рушука по Дунаю.

Но Дед Иван все не приходил. Турки же стали еще злее и на базарной площади повесили двух болгар, объявив их шпионами.

Хаджи Петр доказывал, что русских не одолеть, что даже Наполеон, хоть и всех побеждал и взял русскую столицу Москву, но взял ее себе на погибель. Потом с остатками своей гвардии едва унес ноги из России.

Ни одного русского Райчо в глаза не видал, знал о них из рассказов домашних и особенно от бабы Бялы. Она жила на окраине Райковци на склоне горы. Она особенно стала ласковой к Райчо после того, как умерла его мать.

Баба Бяла грела похлебку и, глядя в огонь своими прозрачными глазами, рассказывала, что русские почти такие же, как и болгары, и языки у них схожи, и вера у них одна... Иногда, задумавшись, подперев сухим кулаком морщинистую щеку, она пела старую песню жен мастеровых, угнанных турками на строительство дунайской крепости у Силистры:

*Ой ви вази, дългаери,
Като в Силистра идете,
Кагато си крепости строите,
Руси в Силистра да дойдат...*

Но русские в Силистру не пришли.

...С тяжелой корзиной на голове, погружая босые ступни в горячую уличную пыль, Райчо прошел почти через весь город. Жарко пекло солнце, во рту пересохло, хотелось пить, и Райчо мечтал о том, как, отдав ношу, он побежит к Дунаю. Ведь дом хаджи Стояна недалеко от берега.

Хаджи Стоян придирчиво пересчитал содержимое корзины. Райчо объяснил, что хозяина не пускают со двора, у него поселился важный полковник.

Довольный тем, что никакой ноши хаджи Стоян не дал и даже корзину оставил у себя, Райчо выскочил на улицу, свернул в узкий переулоч, на ходу стащил с себя рубашку. Но, выбежав из переулка в рошу, остановился, пораженный зрелищем.

Два турецких конника, держа лошадей, громко ругались с солдатом, показывая то на потные бока лошадей, то на сверкающий за деревьями Дунай. А солдат в ответ грозил ружьем. Откуда-то появился офицер, и кавалеристы понуро ушли, ведя за собою потных коней. Офицер погрозил кулаком солдату и пошел дальше, придерживая рукой саблю.

Райчо свернул в сторону и побежал к берегу. И когда уже был слышен плеск волн, возле головы с шипением пролетел камень и ударился о дерево, отбив кусок коры. Райчо увидел прячущегося за деревом солдата. Тот выдирал из земли следующий камень. Райчо бросился наутек, и камень с треском вонзился в

соседний куст. Отдышавшись, Райчо подумал: с чего это так обозлились турки, как в собаку камнями швыряют, даже не окликнув?

В подвале дяди Сотира было прохладно и темно так, что Райчо с полминуты не мог ничего разглядеть. Потом высыпал на прилавок деньги и рассказал, как в него швырялся камнями часовой и как другой часовой не пустил к воде конных турок.

— Моли бога, что голова цела. Нашел куда соваться, — раздалось из угла.

Райчо только сейчас разглядел в полумраке сидящего в углу на каменном приступке бородатого и лохматого человека. Обмотки на его ногах были густо запудрены пылью. Рядом лежала потрепанная котомка и суковатая палка. Человек блеснул глазами и прогудел:

— Сейчас ящерица к берегу не проберется, не то что человек. За каждым кустом солдат, как кол, торчит.

— Ты побольше болтай, и сам на кол угодишь, — прошипел Сотир.

— Чего «болтай»? Весь город знает. Две или три орды Омер-паши, что по обоим берегам Лома лагерем стоят, не иголка. И дураку ясно, что собираются на Деда Ивана ночью напасть и всех перерезать. Вот и стерегут берег, чтоб никто русским сигнала не подал.

Сотир стукнул кулаком по прилавку так, что подпрыгнули склянки, и прошипел:

— Цыц, пьяный болтун. Выпил и проваливай с богом. Услышат — и мне головы не сносить. И как тебя в город пустили?!

— В город-то пускают, а вот выпускают навряд ли. Потом выпускают, когда тайно через Дунай переправятся.

«Так вот почему хаджи Василя не пускают со двора, — подумал Райчо, идя по улице. — Позавчера у полковника было много офицеров, долго совещались. Потом ужинали, и сам хозяин им прислуживал. Вот турки и боятся, как бы кто чего секретного не услышал».

На полпути к дому Райчо не утерпел и знакомыми переулками бросился за город.

Внизу в узкой долине блестела река Рушукский Лом. По обоим берегам белели шатры, развевались знамена и поблескивали стоящие рядами пушки, копошилось много-много солдат — целый город, а не лагерь.

...И вот сейчас ночью Райчо не мог заснуть, тревожные мысли отгоняли сон.

Может, турки уже плывут через Дунай, а русские ничего не знают, спят и бормочут во сне, как сейчас Пенчо. Может, выскочить на берег и крикнуть так, чтоб русские слышали? Услышат ли? А турки сразу схватят, будут бить до смерти... А может, написать записку, вложить в бутылку и тихонько бросить в Дунай? А вдруг ее прибьет обратно к берегу и турки прочитают? Ведь бутылки плывут не туда, куда надо, а куда их несет течением и ветром. Только человек может плыть, куда захочет. От этой мысли Райчо даже сел в постели. Купаясь в Дунае с ребятами, он доплывал до острова Родоман и обратно. Но после била

такая дрожь, что казалось, зубы сами выскочат изо рта. Переплыть Дунай не хватит сил даже у самого большого взрослого... И тут Райчо вспомнил, как его дружок Перван учился плавать, привязав к поясу две кратунки, пустые высушенные тыквы с пробками. А этих кратунок сейчас здесь полным-полно. Одни с фасолью, другие с перцем... Сам еще не понимая, на что решиться, Райчо встал, осторожно, чтоб не наступить на спящих, добрался до стены и нащупал несколько пустых оплетенных кратунок. Взяв их, Райчо вернулся на место, пропустил кожаный каиш — ремень в веревочные петли кратунок, связал одежду в узел и осторожно приоткрыл дверь. Во дворе было темно. Большая лохматая тень шевельнулась, лязгнула цепью. Это пес Перун. Он узнал своего и снова улегся, лениво хлопнув несколько раз по земле хвостом. Из-за ворот донесся скрип песка под подошвами часового.

На берегу Дуная маячило двое стражников, их разделял заболоченный и заросший ручей — стык участков охраны. В воздухе висел вязкий комариный звон. Стражники непрерывно обмахивались ветками, ругались, что нельзя курить, и гадали, скоро ли смена... А между ними, погрузившись в тину, как крокодил, лежал болгарский мальчишка, сдерживая судорожный лязг зубов.

Наконец один стражник догадался, что они стоят на самом комарином месте. Солдаты разошлись, и еще долго был слышен скрип их подошв.

Ил в ручье был теплым от дневной жары, и вода Дуная показалась холодной. Течение подхватило тощее тело мальчишки, закрутило и понесло. Оказалось, что Райчо слишком близко привязал кратунки к каишу, и они поднимали над водою зад, а голову стремились утопить. Набухший и облепленный грязью узел одежды тянул вниз, грести одной рукой было трудно. Оглянувшись назад, Райчо увидел редкие огоньки Рушука, они приближались, Дунай тащил мальчишку обратно к берегу. Узел с одеждой вырвался из пальцев, Райчо попытался нырнуть за ним, но от этого кратунки сдвинулись еще ниже.

Широкой косматой громадой надвигался остров Родоман. Большие коряги, покачиваясь, нацеливали на Райчо свои черные рога. Уцепившись одной рукой за ветвь, Райчо стал подтягивать выше каиш и замер. От Рушука донесся плеск весел. Райчо укрылся под корягой, погрузившись в воду по ноздри. Из темноты показалась лодка, она шла на Райчо, в ней маячили фигуры и блеснули штыки. Но лодка подошла к берегу в стороне, донесся оклик часового, ответ и сдержанный разговор. Прислушиваясь к турецкому говору, Райчо стал пробираться к оконечности острова. Часовые, занятые сменой, меньше следили за рекой.

Дальнейшее Райчо помнил слабо. Маячили не то огоньки, не то звезды у горизонта. Перед глазами все чаще и чаще стали вспыхивать,

кружиться и рассыпаться радужные пятна. Райчо уже не понимал, сколько времени, куда и зачем он плывет. Казалось, что никогда не было ни родного дома над речкой, ни Рушука, а есть, были и будут бесконечно-мучительные движения ноющего от усталости тела.

Но вот впереди всплеснулось, обдало брызгами, блеснули сквозь нависшие волосы глаза. Кто-то крепко подхватил Райчо и потащил, по телу хлестнули стебли камыша, донесся приглушенный голос:

— Чего там, Гришка?

Над самым ухом пророкотало:

— Мальчонка. Совсем выдохся.

— Откуда же он?

— А кто его знает, может, с берега свалился или лодка опрокинулась. Вот и несло. Река-то шибко крутит.

Райчо положили на холодную от росы траву. Тело сотрясала сильная дрожь. Перед глазами появились бородатые лица. Райчо казалось, что он быстро говорит, кричит, а по щеке похлопали ладонью.

— Эй, парень, немой, что ли?

— Чего немой? Закоченел. Вишь, рот в куриную гузку свело. На тот берег показывает.

— А это что за штуковины?

Послышались глухие щелчки.

— Тыквы пустые сушеные... Э-э, брат, да неужто ты с того берега?

— Шутка, годок. Ширина реки почитай версты две будет. Утоп бы.

— Тыквами обвязался, вот и не утоп. Хитер парень. Федька, я оденусь, а ты положи его на шинель, растирай. Да только не жми, это ведь дите, а не конь.

— Братко... аз былгарин... былгарин... от Рушука съм... переплувах Дунава... да дойда при вас... да ви кажа нещо...

— Слышь, Гришка, ожил, залопотал...

Вдруг оба вскочили, щелкнули взведенные курки.

— Стой! Кто идет?

— Свои. Гусарского полка подпоручик Усть-Уйский.

Звякнула сабля. Перед Райчо появилось усатое скуластое лицо. На голове была высокая шапка с кивером, на груди блеснули толстые шнуры. Райчо снова стал протискивать сквозь чечетку зубов слова:

— Заведете... при вашите офицери, ще им кажа нещо...

— Я и есть русский офицер.

...Потом была теплая колючая тьма, покачивало, пахло лошадью. И внезапная мысль обожгла Райчо: «А вдруг сейчас турки уже плывут через Дунай?» Он начал выбиваться из шершавой темноты, над головой послышалось нараспев:

— Ваш скородь, брыкается, лопочет что-то...

— Держи крепче. До лагеря недалеко.

Втащили в палатку, зажгли фонарь. Скуластый офицер крикнул:

— Акимыч, вздуй костер, чай вскипяти.

За палаткой трепыхалось пламя костра. По-

том, откинув полог, вошел солдат тоже со шнурами на груди. В одной руке он держал разрисованную цветами кружку, в другой — закопченный медный чайник.

— Сахару положил?

— Так точно, целых четыре куска. — Солдат достал из кармана сверток и спросил: — Ваш скородь, а вот это они едят? Сало, еще домашнее... свиное же...

— Давай, как раз пойдет.

Подпоручик усадил Райчо на чурбак перед столиком, налил кружку.

— Пей да сала, сала побольше ешь, сил набирайся.

Райчо, обжигаясь, кашляя, глотал что-то очень горячее, сладкое, душистое, перехватывающее дыхание, и с каждым глотком на душе становилось теплее и веселее.

Донесся топот копыт, что-то звякнуло, в палатку вошел черноусый солдат.

— Так что, ваш скородь, их выскородь дежурный адъютант приказали перебежчика срочно доставить прямо к светлейшему.

Встав и застегиваясь, подпоручик проворчал:

— Перебежчик? Он не перебежчик, герой, патриот!

Он помог Райчо подоткнуть повыше полы шинели, на руках вынес из палатки и усадил в седло.

Приехали в Журжево к двухэтажному дому, в котором светились окна. Райчо прошлепал босыми ногами по чистому дощатому полу, поддерживая полы шинели. Поручик ввел его в освещенную комнату и доложил генералу в очках. Тот сел на стул и поманил Райчо к себе.

— Слушаю вас, юноша.

И Райчо выпалил:

— Ваше височество, турците се готовят да минать Дунава и да ви нападнат тук в Влашко. Тая ночь переплувах Дунава за да дойда и ви сообща.

— У Влашко, значит, — произнес генерал, встал, опершись о колени, подошел к столу, возле которого стояло несколько офицеров, и посмотрел по карте. Один из офицеров стал расспрашивать Райчо по-болгарски.

Поправив очки, князь Горчаков произнес:

— Та-ак, Омер-паша... две орды, значит, четыре или шесть пехотных или две-три кавалерийских дивизии за Рущуком в долине Лома. Место для сосредоточения выбрано правильно, не просматривается нами. Вполне возможен удар оттуда. — И повернулся к Райчо: — Ну, спасибо, герой, благодарю и о награде не забуду. — И повернулся к офицеру:

— Афанасий Никитич, передаю гостя под вашу опеку. Завтра его полностью экипировать от исподнего до шинели и шапки. Да сшить по кости, не ходить же ему таким шиликуном.

Наверно Райчо проспал бы целые сутки, но его разбудил незнакомый бородатый солдат, помог умыться во дворе, надел на Райчо длинную белую рубаху, подпоясав ее Райчиным

кайшем, на котором болтались веревочки от кратунок, их наверно срезали казаки. Напоил чаем и, взяв за руку, повел по улице. Встречные солдаты с хохотом останавливались:

— Трифон, что это у тебя за кикимора?

А дядька Трифон степенно отвечал:

— Не кикимора, а настоящий герой. А почему — того знать вам не положено.

Вошли в дом, где было душно и пахло паленой шерстью. Потный человек в расстегнутой рубахе, не дослушав Трифона, стал вертеть Райчо так и сяк, обмеряя пестрой ленточкой. Во дворе под навесом на низеньких табуретках работали сапожники, они перестали стучать молотками, сгрудились вокруг Райчо, с любопытством рассматривая его.

Потом вместе с солдатами Райчо ел из медного котелка странную чорбу — похлебку, состоящую из лохмотьев разваренной капусты с кусочком мяса, куда дядька Трифон набросал темно-коричневых, как дубовая кора, сухарей, раскрошив их на ладони рукояткой ножа. Потом вместе со всеми Райчо тщательно вымыл котелок, деревянную ложку и протянул их Трифону, но тот оттолкнул его руку:

— Теперича это твое, Рач, записано капте-наrmусом в ведомости. Солдат без котелка и ложки, как и без ружья, не солдат.

На следующее утро на Райчо надели холщовые штаны и рубаху, затем суконные шаровары, ноги обмотали холщовыми тряпками и загнули в сапоги, черные, блестящие и тяжелые, облачили в мундир и прихлобучили фуражкой. Все вертели Райчо и одобрительно шлепали по спине и плечам, так, что Райчо закашлялся. Тогда солдаты спохватились, втащили Райчо в какой-то дом, содрали с него одежду, сами разделись догола и впили Райчо в настоящий кромешный ад. В горячем тумане грешники стонали и истязали себя пучками березовых веток. От жары перехватывало дыхание, где-то в углу зловеще трепыхалось пламя.

Над Райчо проделали такую же экзекуцию. И, когда он, шатаясь, чувствуя себя пустым и легким, как бычий пузырь, вышел из бани, ему дали выпить целый ковш чего-то кислого, бьющего в нос и отдающего вкусом черных сухарей. Есть Райчо уже не мог, едва добравшись до постели, он рухнул в нее, и дядька Трифон, стаскивая с него сапоги, говорил:

— Сразу надо было бы в баньку, а то кашлять начал. К утру все пройдет, а через ноздри оса пролетит — не застрянет.

...Снилась гроза, грохотало, потом обрушился ливень, капли были крупными, с кулак величиной, они подпрыгивали и сверкали... Откуда-то вдруг прибежал пес Перун, прижался мордой и заговорил человеческим голосом:

— Да вставай ты, чертушко! Глянь, что натворил. Подъем! — Дядька Трифон посадил Райчо и потерял ему уши. — Одевайся, живо!

В окне багрово полыхнуло, вздрогнула земля, взлетела к потолку занавеска, судорожный гром ударил в уши, где-то зазвенело разбитое

стекло. А дождь или град сыпал и сыпал. Тряхнув головой, Райчо пробормотал:

— Мьлния... гръм...дъждь, като кокошо яйце...

И подумал, что это очень плохо, наливается виноград, яблоки, сливы, и все побьет таким градом.

— Какая молния, гром, град?! — закричал в лицо дядька Трифон. — То батареи бьют. Турок в Дунае топим. А донцы на лодках их понтоны в клещи взяли. На рожон турок прет! Пошли!

Они бежали по улице к Дунаю, где то в одном, то в другом месте полыхало и громыхало. С шипением, оставляя за собой искры, летели в темноту чугунные бомбы и лопались на острове багровыми пятнами. Там же в темноте, отражаясь в воде, что-то ярко горело и мелькали огоньки ружейных выстрелов.

— Давай на горку! — запыхавшись, крикнул Трифон и потащил Райчо за собой. На горке у орудий суетились солдаты и что-то забивали в их дула длинными шестами, потом отбегали и вытягивались. Доносился протяжный крик: «Ого-онь! Пли!»

Солдаты опускали длинные палки с пламенем на конце к пушкам. Взлетали яркие фонтанчики огня, раздавалось короткое шипение, сверкало пламя, грохот бил в грудь, живот, уши. Пушки отскакивали назад. Солдаты дружно бросались к колесам и катили пушки на место.

Офицер закричал:

— Гнатюк, почему посторонние на огневой позиции? Гони прочь!

— Мы не посторонние, ваш скороды! — крикнул дядька Трифон. — Это тот самый болгарский мальчонка!..

Раздалось нарастающее шипение, Трифон что есть силы ударил Райчо в спину и прижал его голову к траве. Подпрыгнула земля, громыхнуло, разноголосое просвистело над головой. Трифон простонал:

— Вот старый дурень. Господи, казни меня грешного, но обереги мальчонку. Бежим, пока турок пушки заряжает!

На том берегу сверкнуло, снова нарастающий вой, почва бьет в грудь и живот, опять свист осколков и бормотание Трифона.

— Господи, обереги мальчонку. Я, старый пень, виноват, грешен!

К рассвету пальба прекратилась. Потеряв Трифона, Райчо носился по берегу, падая в грязь, помогал вытаскивать лодки.

Прискакал на коне казак крича:

— Братцы, годки, не видали тут болгарско-го мальчонку? Николкой кличут! А ну, давай до самого главнокомандующего! Мигом! Да постой! Марш в лодку, отмойся!

Лошадиная шея была теплой, грива щекотала лицо. На скаку казак крикнул кому-то:

— Эй, станичник, найди дядьку Трифона, скажи, цел мальчонка, а то весь извелся старый, избегался, вот-вот сердцем зайдется!

В комнате было много генералов и офице-

ров. Все громко и весело разговаривали. Увидев Райчо, все смолкли. Тот робко потоптался на пороге. Князь Горчаков усмехнулся:

— Э-э, служивый, так не годится. К началству надо подходить так, чтоб половицы трещали. Ну ладно, иди ко мне.

Князь взял у офицера медаль и сказал:

— Награждаю болгарина Райчо Николаевича Николова медалью «За усердие» на Анненской ленте. — Он прикрепил медаль к мокрому мундиру Райчо, расцеловал в обе щеки. Все крикнули «ура». Потом пожимали руки, хлопали по плечам, гладили по голове. Горчаков протянул тяжелый кошелек.

— Ну, а это от меня на обозаведение.

Сев на стул, Горчаков спросил:

— Ну, и как собираемся жить дальше, герой?

И Райчо, поняв, ответил, что он будет воевать с турками, пока не освободит всю Болгарию. Все одобрительно рассмеялись, а обещанный аксельбантами офицер сообщил князю, что слух о Райчо уже распространился, жители Журжева, румыны и болгары, собирают средства на образование героя. Горчаков одобрительно кивнул и добавил:

— Да мы и сами с усами.

Райчо окончил в Петербурге 2-й Кадетский корпус и служил офицером русской армии. Он собирал средства и оружие для болгарских революционеров и повстанцев, переправлял оружие и добровольцев на родину, в Болгарию. Он был знаком с русскими и болгарскими революционерами. В те годы его называли живым Инсаровым, по имени главного героя романа Тургенева «Накануне».

В 1876 году против турецкого ига поднялись черногорцы и сербы. И капитан Николов привел в Сербию на помощь Русско-болгарский добровольческий батальон. За одержанные победы, особенно в бою за Гредетинскую высоту в Сербии, Райчо стал национальным героем Сербии и Болгарии.

Весной 1877 года во время русско-турецкой войны плечом к плечу с ударными частями русских войск шли на штурм турецких позиций дружины болгар-добровольцев, и во главе одной из них был капитан Райчо. Он дрался с янычарами на знаменитом Шипкинском перевале, вместе со скобелевскими солдатами одолел непроходимые зимние Балканы и громил турецкие войска у села Шейново.

6 сентября 1885 года наконец произошло объединение Северной и Южной Болгарии в единое государство. Ликовал весь Пловдив... и вот раздался единственный выстрел — выстрел предателя в спину коменданта Пловдива капитана Николова, которого все горожане любовно называли дедом Райчо за его густую бороду и доброе отношение к людям.

Так, сделав первый шаг к Дунаю, совершив первый подвиг мальчишкой, Райчо Николов не свернул со своего славного и трудного пути до последней минуты жизни.

ЧЕЛОВЕК И КОРАБЛЬ

Полина СОЛОВЕЙ

Рисунок Ю. Иванова

Балтийский судостроительный завод.

Здесь все огромно. Заводские дворы как площади. Цеха как улицы. Станки, от одного конца которых до другого можно бежать чуть ли не стометровку. А детали такие, что поднять их в силах только подъемные краны.

Сначала кажется, что люди в этих просторах теряются, как

в лесу. Ты видишь только станки, краны, огромные металлические детали... Но если остановиться, присмотреться, заметишь не только завораживающее вращение огромного корабельного вала, но и человека, который вал обрабатывает на станке.

Бывают разные знаменитости. Есть знаменитые писатели, артисты, спортсмены. Их слава понятна. Но есть слава сталеваров, ткачих, кузнецов. Для того чтобы понять ее, нужно хоть один раз увидеть, как они работают.

На работу дважды Героя Социалистического Труда токаря Алексея Васильевича Чуева можно смотреть как на концертный номер. И смотрят. А «концерт» этот длится день за днем уже много лет. Алексей Васильевич привык к зрителям и не обращает на них внимания. Он работает.

Движения человека и маши-

ны ритмичны, выверены, точны. Они разумны и согласованны. И человек, такой невысокий и хрупкий, рядом с гигантским станком вдруг предстает большим и значительным, соразмерным с просторами цеха и протяженностью корабля.

Вот он стоит у пульта, о чем-то думает. Потом нажимает кнопки. Размеренно гудит станок, стекает стружка, посверкивает сталь.

Все спокойно, и человек спокоен. Но вот он что-то уловил в гудении станка, наклонился, прислушался. Опять подошел к пульта. Развернул чертеж, что-то коротко сказал подручному и пошел вдоль станка, пристально вглядываясь во вращающуюся махину.

А вращается гребной вал будущего корабля. Диаметр его — восемьсот миллиметров, а допуск, то есть допустимое отклонение от размера — плюс-минус три сотых миллиметра. Эти три сотки не разглядеть, их можно почувствовать, как рукой чувствуют пылинку на полированной глади стола.

Из металла высшего качества сталевары сделали отливку. Кузнецы проковали ее, придав ей необходимую прочность. Заготовку точили, сверлили — вал должен быть внутри полым, — калили в термической печи, сно-

**Делегат XXV съезда партии, дважды Герой Социалистического Труда
Алексей Васильевич Чуев**

ва отправили на обработку. И лишь в самом конце длинного пути вал попадает к токарю Чуеву. Можно ли теперь, когда пятидесятитонная заготовка прошла через столько рук, когда в нее вложено столько трудов и средств, можно ли теперь испортить ее, отправить в брак? Совершенно невозможно. Ни при каких обстоятельствах. И поэтому на этих операциях ра-

ботают только мастера, великие умельцы.

Гребные валы многих судов, построенных в Ленинграде, сошли со станка Чуева. И не было случая, чтобы они подвели в море. Токарь Чуев все стоит у своего станка, а атомоходы, танкеры и десятки других кораблей бороздят моря и океаны.

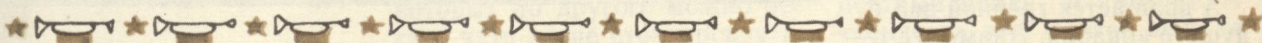
Фото В. Голубовского

В Октябре 1917 года на мачте крейсера „Аврора“ взвился красный флаг — флаг вооруженного восстания.

Начались незабываемые дни становления в нашей стране советской власти.

Весной 1976 года на сборе пионерской дружины 152-й школы Ленинграда было принято обращение ко всем пионерам города и области.

Ребята писали:
«Мы живем в городе трех революций, носящем имя великого Ленина, городе, богатом славными революционными, боевыми и трудовыми традициями рабочего класса.

Мы, пионеры дружины имени легендарного корабля Революции крейсера «Аврора», своими пионерскими делами стараемся доказать, что имеем право носить это высокое имя.

Мы обращаемся ко всем пионерам с призывом достойно встретить 60-летие Великого Октября, продолжить изучение истории Коммунистической партии, Советского государства, пройти легендарными дорогами революционной борьбы, ратного подвига и трудовых традиций старших поколений».

А как пришел Великий Октябрь в твой город, в село, поселок? Когда и кто устанавливал здесь власть рабочих и крестьян? Что ты

знаешь о первых коммунистах? Кто продолжал их славные традиции в дни первых строек и в дни Великой Отечественной войны?

ПИОНЕРЫ! ОТРЯДЫ! ДРУЖИНЫ!

Журнал «Костер» предлагает провести на маршруте «Моя родина — СССР» пионерский сбор-поиск «ФЛАГ «АВРОРЫ».

ВСЕМ, КТО ЗАХОЧЕТ ПРОВЕСТИ ТАКОЙ СБОР:

Познакомьтесь с участниками Великой Октябрьской социалистической революции, первых советских пятилеток, Великой Отечественной войны, которые живут и работают в ваших краях; с сотрудниками краеведческих музеев, изучающими материалы к 60-летию Советской власти.

Расскажите октябрятам о героях, которых дали стране ваш город, село, район, проведите с ними экскурсии в краеведческий музей, на завод, на фабрику.

Организуйте в школе, в классе, в Доме пионеров, в библиотеке, в красном уголке при жилконторе выставку фотоснимков и рисунков, проведите конкурс сочинений на тему «60-летие Великого Октября». Подготовьте доклады и сообщения.

Не забудьте пригласить на сбор ветеранов партии и комсомола, своих земляков, с которых берете пример, попросите выступить на сборе участников Великой Октябрьской социалистической революции, ветеранов труда и Великой Отечественной войны, делегатов съездов партии и комсомольских съездов.

ЖЕЛАЕМ ВАМ ИНТЕРЕСНОГО СБОРА!

Самых активных участников сбора-поиска «Флаг «Авроры» редколлегия журнала отметит похвальными грамотами.

КАК ПРОВЕСТИ ТАКОЙ СБОР?

С этим вопросом мы обратились к лучшим вожатым, участникам ленинградского слета пионерских вожатых.

Первым откликнулся на нашу просьбу слесарь-судомонтажник Адмиралтейского объединения Александр Глазов, старший вожатый 238-й школы Ленинграда.

— Я бы провел этот сбор так.

Заранее — за месяц или за два — каждое звено должно получить свое персональное задание.

Задания могут быть различными, нужно только учесть особенности местности, где вы живете.

Например, первое звено получает задание совершить поход по местам революционных, боевых действий, проходивших недалеко от вашего поселка.

Второе звено — посетить краеведческий музей и сделать выписки и доклады о своем поселке. Быть может, вы, ребята, уже были в музее, тогда можно воспользоваться данными, полученными раньше.

Третье звено может побеседовать с интересными людьми, вашими земляками, записать их воспоминания.

Четвертому звену можно дать такое задание: оформить стенд или фотовыставку «Наш поселок в X пятилетке».

Когда материалы собраны и все звенья выполнили свои задания, можно приступать к подготовке сбора и проведению его. Сбор хорошо провести в клубе или в классе, предварительно украсив стены рисунками и плакатами из жизни вашего поселка.

В каждом поселке или селе есть свои осо-

бенности, поэтому я предлагаю вам ПРИМЕРНЫЙ план сбора, вы можете добавить свои интересные дела.

В начале сбора лучше всего прочитать собравшимся рассказы ветеранов, записанные вами.

Потом каждому поисковому звену надо предоставить право сделать сообщение.

...Звучит песня «Вихри враждебные». Закончилась песня, — вы снова можете дать слово тем, кто записал рассказы ветеранов. На сборе обязательно должен прозвучать рассказ о первых коммунистах и активистах. Было бы очень хорошо, если бы вы пригласили их самих к себе на сбор или раздобыли бы их портреты.

Сбор надо провести в два приема: обязательно сделать небольшой перерыв, чтобы все подготовились ко второй части, а ваши гости могли бы отдохнуть.

В перерыве у гостей можно узнать, что хорошо получилось, а что — не очень, а лучше всего поиграть с ними в пионерские игры...

Закончится перерыв — и вы начинаете вторую часть вашего сбора. Пойдет рассказ о Великой Отечественной войне: как трудились и как воевали люди вашего поселка. И как, наконец, пришла победа.

О послевоенном времени, о трудовых победах... Затем рассказ о сегодняшнем дне. Сбор можно закончить экскурсией по вашей фотовыставке. Тема — ваш поселок, его развитие в этой пятилетке.

Итог сбора — новые материалы для школьного музея, а главное — дружба с интересными людьми поселка.

Оформление А. Курушина

РАСПИСНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЛОЖКА

Я ездила в Горьковскую область, в село Озерное, и познакомилась там со старым мастером Дмитрием Максимовичем Шиперевым, который показал и рассказал мне, как делается деревянная ложка.

Человек всегда стремится сделать все не только полезным, но и красивым. Пример тому русское народное искусство: великолепная резьба на фасадах изб, вышивки и кружева, детские игрушки, миски, ковши, ложки.

Что такое ложка, знают, конечно, все. Но наш рассказ об особенной ложке — деревянной, ложке — произведении искусства. Такую ложку можно встретить не только за столом, но и в музее. Эта ложка не просто деревянная — она расписная.

Золотой или «пламенной» называют в народе такую роспись. Ярко-красный цвет закаленной киновари делает ее такой огненной, а серебристый фон, покрытый лаком, делает золотой.

Мотивы росписи просты — листья, цветы, ягоды, веточки. Но художники, расписывающие ложки, из этих мотивов создают нарядные, радующие глаз композиции.

На протяжении многих поколений русские мастера совершенствовались роспись деревянной ложки, пока она не стала такой, какой мы знаем ее сейчас.

А берет свое начало ложка в лесу. Чтобы выточить ложку, мастер идет в лес и срубает дерево — липу, ольху или осину, так как нужна мягкая порода дерева, из которой легко вырезать и которая не колется и не трескается при обработке.

Ствол срубленного дерева мастер распиливает на части, затем раскалывает на небольшие поленья — чурки, из которых при помощи специального топорика-тесла делает заготовки. Затем, чтобы не поранить себя, он надевает на грудь спе-

циальный передник — парамошку, сделанный из доски и обтянутый резиной, и начинает вырезать ложки.

Они выходят из рук мастера одна за другой чистые и беленькие. Для этого требуется мастерство, ведь одно неверное движение — и вещь испорчена.

Нарезал мастер ложек, проверил, все ли в порядке, и отдает в художественную мастерскую.

Там их сначала грунтуют, то

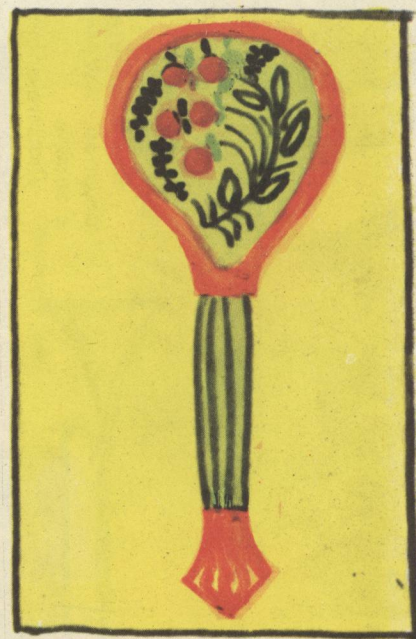
есть протирают раствором глины, пропитывают сырым льняным маслом, несколько раз покрывают олифой, припудривают алюминиевым порошком, чтобы поверхность стала гладкой, блестящей. И вот, подготовленные таким образом, они попадают в руки к художнику. У него свои инструменты — кисточки и краски. В умелых руках ложки преображаются, появляются разные узоры.

Но только после того, как их

покроют олифой и бесцветным лаком, а затем прокалят в печи, ложки приобретают свой настоящий вид. Блестящий алюминиевый фон становится золотым, а все другие краски — яркими и нарядными.

Ложки готовы. Теперь можно есть ими смело, они не боятся ни горячего, ни холодного. А своей красотой любую еду делают еще вкуснее.

Н. КОШЕЛЬКОВА
Рисунки автора

НАША РАБАТА

ЖУРНАЛ ЮНКОВ "КОСТРА"

Оформление Г. Ковенчука

ВО ВСЕМ и всегда равняйтесь на коммунистов, с честью носите высокое звание юного ленинца.

Воспитывайте в себе черты трудолюбия, честность, благородство, настойчивость в учебе, умение применять знания в жизни.

Любите свою Родину, будьте беззаветно преданными Коммунистической партии.

Будьте активными общественниками, своей личной инициативой, участием в жизни своего звена, отряда, дружины крепите ряды юных пионеров, развивайте лучшие традиции Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Учитесь на совесть, постоянно расширяйте свой кругозор, развивайте творческие способности и дарования, укрепляйте здоровье, постоянно занимайтесь физкультурой, готовьте себя к труду и обороне Родины.

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ
ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ!
МАРШ ПОСВЯЩЕН
60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«Кем быть, когда вырастешь?» — этот вопрос задают себе многие ребята.

Посмотрите, как отвечают на него пионеры школы № 14 города Астрахани.

Володя Карпенко:

— Меня с детства влечет к работе шофера. Почему она мне нравится? Да потому что я люблю технику. Мне интересно, как движутся поршни, как делается искра, как работает мотор...

Вадим Батенев:

— Я тоже люблю технику. Однажды помогал отцу на работе. Весной он пахал землю на тракторе и взял меня с собой. Сзади трактора осталась коричневая полоса, и на нее сядились грачи. В земле они

искали червей. Я увидел больного грача с подбитым крылом. Я унес его домой. Дома я стал его лечить. Он постепенно выздоровел. Я его стал выпускать на улицу, и он улетел от меня. Когда я снова пришел к отцу на работу, я опять увидел много грачей. Но я не знал, какой грач мой.

Гая Петрова:

— Я хотела бы стать клоуном-дрессировщиком, потому что я очень люблю животных. А моя мама работает на заводе маляром. Эта профессия интересна тем, что из двух красок получают одну. Если бы не было маляров и их красок, то все здания были бы серыми. Мама красит дома, магазины, пароходы и баржи. Я отношусь к этой профессии хорошо. Я даже сама красила крыльцо.

Слава Базав:

— Моя мама работает инструктором по спорту. В Астрахани трудно представить себе, что кто-то плавать не умеет. Но такие люди находятся. Их-то мама и учит. Я думаю, что мамина профессия важная.

Камилль Темирбулатов:

— Когда я вырасту, я буду пожарником. Как мой папа. Работа эта очень трудная. Некоторые люди говорят: «Чтобы стать пожарником, надо спать 24 часа на одном боку...» Это неправда. Надо быть ловким и сильным. Надо уметь справляться со шлангами, быстро перепрыгивать через барьер и ловко лазить по лестнице.

Олег Шпаков:

— Моя мама — почтальон. На учатке у мамы была собака по кличке

Рекс. Мама говорила Рексу, чтобы он спел песенку. Пес выл.

Нина Карась:

— Мой дедушка был капитаном. Сейчас он на пенсии, но он не может жить без Волги. Во время войны дедушка перевозил в Астрахань раненых бойцов из Сталинграда. Судно часто обстреливали фашистские самолеты. Мы очень любим нашего дедушку!

ПИСЕМ МНОГО — О РАЗНЫХ ПРОФЕССИЯХ, О ТОМ, ЧТО ЛЮБАЯ РАБОТА ПОЛЕЗНА И ИНТЕРЕСНА.

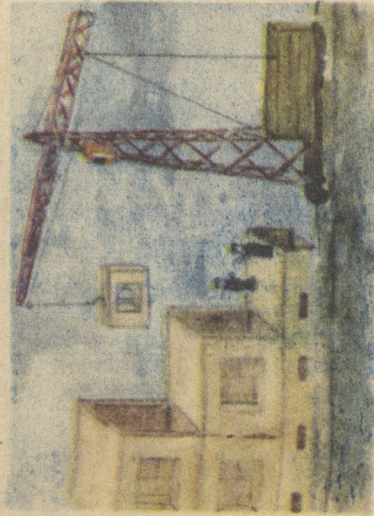
А ЧТО НА ЭТУ ТЕМУ ДУМАЕТЕ ВЫ? КЕМ СОБИРАЕТЕСЬ СТАТЬ? КАКОЕ ДЕЛО УЖЕ СЕЙЧАС ВАМ ПО ДУШЕ?

о нашей взрослой

Мой дедушка — шахтер. Он добывает уголь. И очень доволен своей профессией. Я был у него в шахте. На рисунке — мой дедушка за работой.

Костя Суриков

Это дом, в котором я получу квартиру.

Таня Малеева

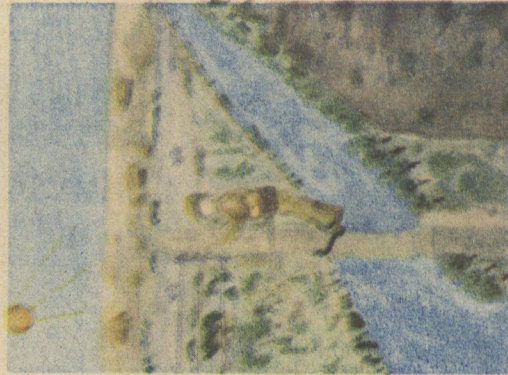
Моя мама — маляр. Когда сдается новый дом — для мамы большой праздник.

Лиля Маркова

Мой папа — монтажник. Он любит свою работу. Сооружения, собранные папой, очень нужны людям.

Валера Головачев

Мой старший брат — электрик. Он работает на электростанции, следит за бесперебойной подачей электроэнергии.

Люба Губина

Мой дедушка — закройщик одежды, он работает на швейной фабрике.

Катя Вейс

Я была на ферме у тети. Там очень чисто, как в больнице. Я наблюдала за кормлением коров. И показала это в своем рисунке.

Надя Пронюшкина

Такую я представляю себе текстильную фабрику. Это диспетчерская по отправке продукции.

Света Лисевич

Здравствуй, Барабан!
Хочу рассказать тебе про девочку, которую не могу понять. Она у нас в лагере была председателем совета отряда. Как и в школе. Рапорт сдает — залобуешься, пионерские песни поет звонче всех. В походе — всегда впереди. На привале победила в конкурсе по чистке картошки. Я спросил, как училась: в шестой класс почти с одними пятёрками перешла.

Хорошо бы, если бы в лагере все такие были! И я решил рассказать о ней в «Барабане», но сначала пошел узнать, какая она дома, ведь живем на одной улице.

Дорогая редакция!

Мама часто меня ругает, что мало помогаю ей. А я хочу хорошо учиться, но ведь надо же столько уроков сделать, тут не до уборки! Мама придет с работы, ей нечем заниматься — только по хозяйству, так по-

Начинаем разговор о том, какие мы в школе, а какие — дома. Ждем ответа на вопросы, поставленные в письмах юнкоров.

ДВА ВОПРОСА К ЮНКОРАМ

Есть ли у тебя, юнкор «Барабана», постоянные обязанности дома? Какие? Проявляешь ли инициативу в домашних делах или делаешь только то, что велят?

Открыла она сама с ложкой в руке:

— Суп варю!
И маме помогает — я так и думал! Пока она мешала свой суп, я обратил внимание на сидевшую у кухонного стола старушку. Она неловко перекачивала по столу картофелину, пытаясь очистить ее левой рукой. Правая безжизненно лежала на коленях. Я скорее помог ей, а потом в комнате спросил девочку, что же она не помогла соседке.

— Ей тимуровцы помогают, а мне нет, когда...
*Коля Б.,
вожатый, Ленинград*

чему же я должна мыть пол, а потом по-лучать двойки? Мама, правда, говорит, что надо научиться пол мыть, это в жизни пригодится. А я думаю, что научусь, когда кончу школу и буду жить самостоятельно. Помогите мне убедить маму.

*Галя Кириллова,
город Вышний Волочек*

Наша учительница

Хочу рассказать о нашей учительнице физики Ольге Гавриловне Цыгановой. Сорок лет проработала Ольга Гавриловна в школе, сейчас она уже на пенсии. Если бы сегодня вдруг съехались все ученики Ольги Гавриловны, то не хватило бы зала драматического театра — самого большого зала в нашем городе, — чтобы усадить всех.

Тридцать шесть лет Ольга Гавриловна в рядах Коммунистической партии.

Очень это добрый и хороший человек. Ольга Гавриловна сама рассказывала нам о своем детстве, о своей работе в школе. Ее отец был кузнецом. В семье достатка до революции не было — еще был Десятый человек семья. Ольга Гавриловна рано пошла работать. Работала на лесопильном заводе и училась в педагогическом институте.

Много трудностей выпало на долю Ольги Гавриловны. В северном глухом районе — Бодайбинском — на всю школу был один только человек с высшим образованием — молодая учительница. В стране после гражданской войны свирепствовал голод, разруха. Никаким трудом не гнушалась наша учительница. И дрова пилила, и тачку катала в шахте, и белила, мыла, стирала. Зато школа, которой руководила Ольга Гавриловна, была лучшей в области. Двадцать семь лет проработала Ольга Гавриловна директором школы. Сегодня ее бывшие ученики со всех концов страны шлют ей сердечные слова благодарности.

Пишу и думаю: а я смогла бы так? По плечу ли мне жизненные трудности, невзгоды? Не знаю, но хочу сделать в жизни так много, как коммунистка Ольга Гавриловна, чтобы сказать по праву: «То, что отцы не достроили, построим мы».

*Света Рудяева,
школа № 20, город Иркутск*

МОЙ ПАПА

Смелым был шофером
Папа-фронтовик.
Он теперь в совхозе
Водит грузовик.

А как День Победы
Празднует народ,
Он при всех наградах
В клуб со мной идет.

Встанет спозаранку,
Тряпкой вытрет пыль,
Подготовит и рейсу
Своей автомобиль.

Вот такой мой папа
Труженик-герой,
И сейчас, как прежде,
На передовой.

*Володя Святун,
7-й класс,
Кустанайская область*

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Поспорили как-то два друга: кто из них больше добрых дел сделает? Через месяц собрались итоги подводить.

- Я в кино ходил, — говорит один.
- А я в театр, — отвечает второй.
- Я пять домашних заданий сделал.
- А я на дежурство остался.
- Я книжку прочитал про шпионов.
- А я в зоопарке был.
- Ах, какой ты добрый!
- И ты тоже ах какой добрый!

Кто победил, так и не выяснили. Тогда первый говорит:

- Я про тебя заметку напишу, как ты меня чуть-чуть не победил.
- Почему это «не победил»? Я победил!
- Нет, я!

- А вот и не ты!
- Как дам сейчас!
- Сам получишь!

Через десять минут пришли они оба к школьному врачу с синяками.

- Что это вы, мальчишки, делали? — спрашивает врач.
- Соревновались...
- Кто больше добрых дел делает...

Лена Безлепкина,
7-й класс, Москва

Учитель:

- Какие у белки зубы?
- Петухов, которого спросили, молчит, а Кузнечикова подсказывает:
- Передние с эмалью, а задние — нет.
- Петухов не расслышал и отвечает:
- Передние — маленькие, а задних совсем нет.

Вова Колтунов,
Ленинград

- Анна Григорьевна, — спрашивает учительницу Лена, — что такое копия? Это когда один художник у другого списывает?

Витя Гусев,
Мурманская область

- Мы растем только летом, — уверяет Наташа Сверчкова.
- Зимой от холода все тела сжимаются.

Слава Вдовин,
Московская область

- Мы гуляли с сестрой по лесу. Вдруг она говорит:
- Смотри, у муравьев родительское собрание!

Прислала Инна Устинова из города
Донской Тульской области

Уз школьных стеллажет

Он сидел на костре и ждал пока сворачится уха.

У курицы две ноги и обе разные.

Конь Илья Муромца у дождя терла потож на своего хозяина. Дать рубины и ножные милицышко его обрамлено, окладистой бородой.

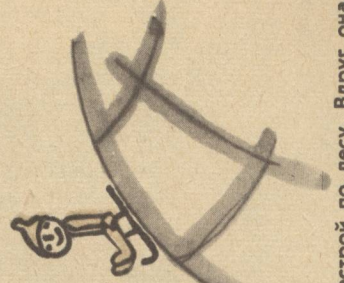

Учитель: Где находится Саган? Ученики: Саган впадает в Охотское море.

- С Северного полюса возвращаться легче, чем с Южного, — говорит Гоша Туманов.
- Почему?
- С Северного полюса ехать вниз, а с Южного — вверх.

Рая Сеидова,
город Владивосток

- Мы растем только летом, — уверяет Наташа Сверчкова.
- Зимой от холода все тела сжимаются.

Слава Вдовин,
Московская область

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ

Юрий КОВАЛЬ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Топкова

ЗАПАХИ ТЕТЕРИНСКОГО ПЕРЕУЛКА

Не заметив нас, да и не глядя особенно по сторонам, он смешался с толпой, которая вываливалась из метро, и быстро пошел вниз по Садовой.

— Узнаешь? Ты его узнаешь? — шептал Длинный. — Смотри же! Смотри! Узнаешь или нет? Ведь это же Моня! Пойми, это — Моня! Что ж делать-то?

Что делать, по-моему, было ясно: бежать в Зонточный. А то, что это был Моня, грабитель, скрывающийся от милиции, нас не касалось. В эту историю мы влипли только из-за голубей, а Моня с голубями не был связан.

— Смотри! — говорил Длинный, боком двигаясь вслед за Моне. — Узнаешь или нет? Надо в Карманов звонить. Так и так — Моня на Таганке. Да узнаешь ты его или нет?

Я узнавал, но это-то и удивляло меня. Казалось, никак, никаким образом Моня не мог очутиться в Москве. Я давно понял, что между Москвой и городом Кармановом огром-

ная разница. И те события, которые происходят в Карманове, никак не могут происходить в Москве. И все-таки факт оставался фактом: в Москве, на Таганской площади, мы попали в совершенно кармановское положение.

Дул ветер, и я почувствовал, как запахло в воздухе пивом, подсолнечными семечками, мишенями из тира «Волшебный стрелок». К этим запахам подмешался какой-то острый, неприятный запах, от которого я немедленно чихнул. И Длинный чихнул, и некоторые прохожие тревожно зачихали.

— Идти за ним или нет? — говорил Длинный, прибавляя шагу, чтоб не упустить Моню из виду. — А вдруг он оглянется? Возьмет да и зарежет, что тогда?

Но Моня не оглядывался и только у Тетеринского переулка остановился, вынул руку из кармана и высыпал на асфальт пригоршню какой-то трухи. Постоял с минуту и свернул в переулок.

Я всегда любил Тетеринский переулок. Здесь было тихо, тенисто, прохладно. Высокий битый молниями тополь склонился над входом в переулок. Ранним летом, в начале июня, пух тетеринского тополя, белоснежный, сухой, как порошок, не пух, а высушенные на солнце сне-

Окончание. См. «Костер» №№ 6, 7, 8, 1976 г.

Т. Б.

В кафельном зале на первом этаже мы увидели две огромные скульптуры цвета пельменей. Первая изображала женщину в гипсовом купальном костюме с ногами бочоночной толщины. Рядом стоял и гипсовый мужчина в трусах. Руки у него были не тоньше, чем ноги женщины. Играя мускулами, мужчина сильно держал в руке кусок мыла.

«Если будете мыться в бане — станете такими же здоровыми, как мы», — как бы говорили эти скульптуры.

Под ногой женщины мы купили билеты и талоны на простыни, поднялись на четвертый этаж. У входа в «Парильное отделение первого разряда» пластом лежал на лестнице ноздреватый пар. Сильно пахло мочалом и стираемыми простынями.

Бочком, бочком проскочили мы в дверь и оказались в сыром раздевальном зале, который был перегорожен несколькими рядами кресел. С подлокотниками, высокими спинками тетеринские кресла напоминали королевские троны, боком сцепленные друг с другом. В том месте, где обычно прикрепляется корона, были вырезаны две буквы:

Т. Б.

Голые и закутанные в простыни, бледные и огненно-распаренные сидели на дубовых тронах банные короли. Кто отдыхал, забравшись в трон с ногами, кто жевал тарань, кто прикладывался к банке с пивом, кто дышал во весь рот, выкатив из орбит красные от пара глаза, кто утомленно глядел в потолок, покрытый бисером водяных капель.

Человек в халате цвета слоновой кости ходил меж рядов, собирая мокрые простыни.

— Давно не был, Длинный, — сказал он глухим, влажным от пара голосом. — В Оружейные ходишь?

— В Воронцовские, дядя Саш, — ответил Длинный. — Там народу меньше.

— А парилка плохая, — заметил дядя Саша, взял у нас билеты и выдал чистые простыни. — Идите вот в уголок. Как раз два места.

В уголок, куда указывал дядя Саша, идти надо было через весь зал, и Длинный стал на ходу раздеваться, натянул на голову рубашку, так что в вырез воротника выглядывали глаза да клок волос.

Мы устроились рядом с человеком, который с ног до головы закутался в простыню. Он, очевидно, перепарился — на голове его, наподобие папахи, лежал мокрый дубовый веник. Из-под веника торчал розовый сильно утомленный нос.

— Вам не плохо, гражданин? — спросил дядя Саша, трогая перепаренного за плечо. — Может, дать понюхать нашатыря.

— Дай мне квасу, — сипло ответил перепаренный. — Я перегрелся.

Мы с Длинным быстро разделись, забрались каждый в свой трон и замерли.

Напротив нас сидели двое, как видно, толь-

ко что пришедшие из парилки. Простыни небрежно, кое-как накинута были у них на плечи. На простынях черною краской в уголке было оттиснуто:

Т. Б.

Эти буквы означали, что простыни именно из Тетеринских бань, а не Оружейных или Хлебниковских.

— Ну, будем здоровы, — сказал человек, у которого буквы «Т. Б.» расположились на животе.

— Будь, — отозвался напарник. У этого буквы «Т. Б.» чернели на плече.

Приятели чокнулись стаканами с лимонадом, поглядели друг другу в глаза и дружно сказали:

— Будем!

Между тем здоровья у обоих и так было хоть отбавляй. Во всяком случае, главные признаки здоровья — упитанность и краснотелость — так и выпирали из простыней. Один из них похож был даже на какого-то римского императора, и буквы «Т. Б.», расположенные на кругленьком животе, намекали, что это, очевидно, Тиберий. Второй же, с явной лысиной, смахивал скорей на поэта, а буквы подсказывали, что это Тибулл.

— Я люблю природу, — говорил Тибулл, — в природе много хорошего. Вот этот веник, он ведь тоже частичка природы. Другие любят пиво или кино, а я природу люблю. Для меня этот веник лучше телевизора.

— По телевизору тоже иногда природу показывают, — задумчиво возразил Тиберий.

— А веник небось не покажут!

— Это верно, — согласился Тиберий, не желая спорить с поэтом. — Давай за природу! — и древние римляне снова чокнулись.

— Как ты думаешь, для чего люди чокаются? — спросил через некоторое время Тибулл, как всякий поэт, настроенный слегка на философский лад.

— Для звону!

— Верно, но не совсем. Когда мы пьем лимонад, это — для вкуса. Нюхаем — для носа. Смотрим на его красный цвет — для глаза. Кто обижен?

— Ухо, — догадался Тиберий.

— Вот мы чокаемся, чтоб ухо не обижалось.

— Ха-ха! Вот здорово! Ну, объяснил! — с восторгом сказал Тиберий и, сияя, потрогал свое ухо, как бы проверяя, не обижается ли оно. Но ухо явно не обижалось. Оно покраснело, как девушка, смущенная собственным счастьем.

Тибулл тоже был доволен таким интересным объяснением, с гордостью потер свою лысину, повел глазами по залу, выискивая, что бы еще такое объяснить. Скоро взгляд его уткнулся в плакат, висящий над нами:

**КОСТЫЛИ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ
У ПРОСТРАНЩИКА**

Плакат этот действительно объяснить стоило, и Тибулл, выпятив нижнюю губу, раздумывал некоторое время над его смыслом.

— Ну, костыли, это понятно, — сказал, наконец, он. — Если тебе нужны костыли, можешь получить их у пространщика. Но что такое «пространщик»?

— Да вон дядя Саша, — простодушно ответил Тиберий. — Он и есть пространщик. Простынями заведует.

— Гм... верно, — согласился Тиберий. — Если простынями, тогда простынщик.

— То-то и оно. А я, ты знаешь, люблю докапываться до смысла слов. А тут копаюсь, копаюсь, а толку чуть.

— Сейчас докопаемся, — пообещал Тиберий и крикнул: — Эй, дядя Саша, ты кем тут работаешь?

— Пространщиком, — ответил дядя Саша, подскакивая на зов.

— Сам знаю, что пространщиком, — недовольно сказал Тиберий, ласковый и покладистый с поэтом, тут вдруг он стал проявлять императорский нрав. — А чем ты заведуешь?

— Пространством, — пояснил дядя Саша краснея.

— Каким пространством? — не понял император.

— Да вот этим, — ответил дядя Саша и обвел рукой раздевальный зал со всеми его тропами, вениками, бельем, голыми королями. В худенькой невзрачной его фигуре мелькнуло вдруг что-то величественное, потому что не у всех же людей есть пространство, которым бы они заведовали.

Я невольно повел глазами, оглядывая пространство, которым заведовал дядя Саша, и вдруг резко похолодел.

Окутанный облаком пара, красный, ошпаренный, как рак, из двери мыльного зала вышел Моня-бородач. Хлопая себя ладонями по животу, он пересек дядишаино пространство, небрежно накинул простыню и развалился на троне, рядом с Тиберием и Тибуллом. В глаза бросилась татуировка, наколотая у Мони на ногах. На левой ноге написано было:

ОНИ

На правой:

УСТАЛИ

Именно эта надпись напугала в первую минуту. Что-то зловещее, загадочное было в ней. Кто это «они»? Неужели ноги?

Борода Монины слиплась, превратилась в черную паровую сосульку, глаза от пара так грозно выкатились к переносице, что буквы «Т. Б.», оказавшиеся у него под мышкой, хотелось прочитать так: «Типичный бандит».

ПРОПАЖА БРЮК

Я так закутался в простыню, что уж не знаю, на что был похож со стороны. Изнутри же казалось, что похож я на мотылька или на червячка в коконе, который не собирается вылезать на белый свет. В узкую щелочку, кото-

рую я оставил для глаз, не было видно ни Тиберия, ни Тибулла, только надпись «ОНИ УСТАЛИ» вползла, как змея, в поле зрения.

Судя по надписи, Моня сидел спокойно, ногами не дрыгал. В хлюпающем гуле, который наполнял баню, слышалось его хрипкое надсадное дыхание.

— Извиняюсь, дорогой сосед, я вам не мешаю? — сказал Тибулл.

Шарики пота прокатились по моей спине. Я испуганно выглянул из простыни, но тут же спрятался. Тибулл разговаривал с Моней.

— Я вам не мешаю, дорогой сосед?

Моня повел глазами, смерил поэта с головы до пят, как бы выясняя, мешает тот ему или нет.

— Пока не мешаешь, — членораздельно сказал он. — А будешь мешать — пеняй на себя.

— Нет! Нет! — воскликнул Тибулл, деликатно замахал руками. — Мешать я вам никак не собираюсь.

— И правильно делаешь, — заметил Моня, схватил себя за бороду и выдавил из нее на пол пригоршню серой воды.

— Но мне бы хотелось задать вам один вопрос, — продолжал неугомонный Тибулл. — Вот у вас на ногах написано: «Они устали». Интересно знать, от чего они устали?

— Слушай, лысый, — отчетливо сказал Моня. — Читай свои ноги!

— Но у меня на ногах ничего не написано! — наивно воскликнул древний поэт и, приподняв простыню, показал свои ноги, действительно белые, как лист бумаги.

— Ладно тебе, — вмешался Тиберий. — Наплюй ты на его ноги. Устали они и ладно. Может, они много бегали. Почитай лучше, что у меня написано.

Тиберий скинул простыню и повернулся к поэту спиной. На левой его лопатке был нарисован бегун в трусах и в майке, а на правой синели два столба, между которыми тянулась надпись:

ФИНИШ

Тиберий шевельнул лопатками — бегун сорвался с места, стремясь к финишу.

— У тебя это любовь к спорту, — сказал Тибулл. — А тут — разочарование в жизни. Этим ногам уже не хочется ходить по земле — они устали.

— Зато руки у меня не устали, — сказал Моня и, шевельнув плечами, сбросил простыню. В узловатых, покрытых якорями и черными водорослями руках и вправду не было видно ни капли усталости. Моня поглядел поэту в глаза, расставил в стороны руки и медленно ушел в парилку.

— Он мне, кажется, угрожал, — чуть заикаясь, сказал Тибулл.

— Успокойся, не обращай внимания.

— Я сейчас ему всю бороду оборву! — сказал Тибулл, показывая желание встать.

— Ни в коем случае! — вскричал Тиберий. — Нас арестуют.

— Оборву! — упорствовал Тибулл, но Тиберий схватил его за локти и не отпускал, пока поэт не успокоился. Наконец, с мочалом в руках они ушли в мыльный зал.

— Надо действовать, — прошептал Длинный, склонившись ко мне.

Действовать, однако, он пока не начинал, но высунулся из простыни и оглядывал соседние кресла. Все они были пусты. Перегретый, с мокрым веником на голове, не дождавшись квасу, дремал. Здорово перегрелся.

— Есть план, — сообщил Длинный.

В глазах его снова мелькнули кармановские искры, и я понял, что план у Длинного действительно есть.

Он быстро прошелся по залу. Тетеринская простыня болталась на нем, как плащ на мушкетере. С полминуты кружил он возле Перегретого, подозрительно оглядывая веник. Перегретый похрапывал, шевеля босою пяткой.

— Здорово перегрелся, — издали шепнул Длинный и пошел к трону, который занимал Моня. Он смотрел на него с ненавистью, как на трон тирана.

Одежда Монина была беспорядочно разбросана. Особенно беспорядочно и неприятно выглядели брюки, которые нагло развалились на троне, свесив к полу пустые замызганные штанины. Колени их вздулись волдырями, а снизу

из-под брюк глядели ботинки с на редкость тупыми рылами на микропоре.

Заприметив Длинного, брюки оскорбительно подбоченились, кажется, собираясь повернуться к нему задом.

Они явно бросали вызов.

— Ну чего тебе надо, переросток? — как бы говорили они. — Мы для тебя коротки.

Длинный вспыхнул, схватил пустую штанину и сдернул брюки с трона.

Брюки раздраженно фыркнули, раздулись, обхватили Длинного, но он поднял их на воздух, напоминая укротителя питонов. Из кармана брюк вылетела трехкопеечная монета, брякнулась об пол и, радостно звеня, укатилась под трон. Брюки сразу обмякли.

Длинный скомкал их и сунул в санитарный шкафчик, который висел на стене.

К этому моменту я совсем задохнулся в простыне, голова моя раскалилась.

Длинный закрыл дверцу шкафчика, огляделся. Кажется, никто ничего не заметил. Пространщик дядя Саша считал простыни. Перегретый дремал.

— Теперь не уйдет, — сказал Длинный, усаживаясь на место. — Начнет скандалить, а дядя Саша вызовет милицию.

Странное спокойствие было в его тоне и голосе, неслыханное спокойствие, которое я бы назвал кармановским. Я же обливался холод-

ным и горячим, совершенно московским по́том. Я только и надеялся, что Монея не сразу заметит пропажу.

Но он заметил. Сразу.

Распаренный, как морковь, он вышел из парилки, мокрою тумбой замер у трона. Губы его задрожали, усталые ноги подкосились. Он упал на колени и заглянул под трон.

— Пространщик, — прохрипел он беспомощно. — Пропажа!

— Что такое, — подбежал дядя Саша, — где пропажа?

Он встал на колени рядом с Монеей, заглядывая под трон.

— Не может быть, — волновался дядя Саша. — Где-нибудь здесь, в пространстве.

— Товарищи, пропажа, — повторял Монея, стремительно натягивая трусы и пиджак. Взгляд его прыгал по раздевальному залу и вдруг наткнулся на Тиберия и Тибулла, которые выходили из парилки.

Подозрительная молния сверкнула у Мони в глазах.

— Подшутил? — рыкнул он и схватил поэта за плечо. — Где брюки, лысый?!

Поэт побледнел, но тут же кровь ударила ему в голову. Воздух вскипел вокруг головы. Голова сразу высохла.

Поэт схватил собственные шоколадные брюки, махнул ими, как вымпелом.

— На! — крикнул он на весь зал. — На! Эти брюки?! Нужны мне твои брюки! Ты знаешь, сколько у меня брюк? Знаешь? У меня восемь пар в гардеробе!

— А у меня знаешь сколько? — закричал и Тиберий, не желая отставать от поэта. — Знаешь, сколько у меня пар? А костюмов?

— Постой-постой, — влез дядя Саша. — Постойте, а ботинки целы?

— Ботинки? — туповато повторил Монея. — Не знаю, где ботинки.

Между тем ботинки он давно уж успел надеть. Он вообще оделся уже с ног до головы и только одной важнейшей детали не хватало, чтоб завершить его человеческий облик.

— А знаешь, сколько у меня ботинок? — продолжал наседавать Тибулл, но Монея уже не слушал его. Он подошел ко мне, тронул за плечо.

— Парень, ты видал, кто взял мои брюки?

Сердце мое стукнуло в последний раз и остановилось. Я высунулся из простыни, выставил голову, как под топор палача. «Нет, я не видел, кто брал ваши брюки», — хотел сказать я и не мог. В этой истории мне была отведена только одна фраза. Одна-единственная. А большего, как ни крути, я сказать не мог.

— Еще бы, — сказал я и зажмурился.

Топор взлетел над моей головой, и я тут же открыл глаза, решившись смотреть на этот мир до конца.

— Так это ты, тля, — сказал Монея, широко раскрывая глаза. — Вот где мы встретились!

Со свистом топор рассек воздух и отрубил

мою голову. Голова покатилась по полу в мыльный зал, но Монея ловко поймал ее за уши.

— А ну отпусти его! — крикнул Длинный.

— Кто? — крикнул Монея. — Ты?

И он протянул руку, чтоб схватить Длинного, но тут послышался очень высокий, сухой и официальный голос:

— Гражданин! Ваши документы!

За Мониной спиной стоял Перегретый с подсыхающим дубовым веником на голове.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

— Чего? — сказал Монея, резко оборачиваясь. — Чего такое?

— Документы! — повторил Перегретый и сделал пальцем особенный жест, каким обычно требуют документы.

Монея окаменел. В голове его, как видно, никак не умещались два неожиданных факта: пропажа брюк и требование документов. Факты эти неприятно дополняли друг друга и грозили чрезвычайной опасностью.

Монея отступил на шаг. Глаза его сузились, ноздри расширились, с силой втянули воздух.

— Как же так, — сказал он. — У меня же украл брюки, и у меня же требуют документов.

На щеках его вздулись твердые желваки, в голове метались тревожные мысли, которые читались примерно так: что же это за человек перед ним, почему требует документы и, главное, имеет ли право требовать их. Веник на голове говорил о том, что никакого такого права у Перегретого нет, но, с другой стороны, может, этот Перегретый вовсе не Перегретый, а под веником — форменная фуражка?!

— Если не предъявите документов, придется вызвать милицию, — сказал Перегретый.

— Да, да, надо вызвать милицию, — подтвердил неожиданно и Тибулл, злопамятно глядя на Монею.

— Какая милиция, что вы, ребята! — беспokoился дядя Саша. — Ботинки здесь, сейчас брюки найдем.

— Пускай покажет документы, — настаивал Тибулл. — Вот, например, мои документы, и я могу их показать.

Вокруг стал собираться банный народ. Голые короли подымались со своих тронов, прислушивались к разговору.

— Какие в бане документы, — крикнул кто-то. — Кожа да мочало!

— Нету документов, — сказал Монея, чувствуя поддержку. — Они в брюках.

— Сейчас проверим, — сказал Перегретый, подошел к аптечному шкафчику и вытащил брюки.

Монея крикнул и бросился к нему, но Перегретый ловко взмахнул простыней. Она распахнулась и, как лебединое крыло, накрыла Монею и Перегретого. Секунду мы не видели их, а видели только простыню, которая на глазах превратилась в белого медведя.

Медведь ворчал. Качаясь, постоял он на четырех лапах и неожиданно лег на пол.

Банные короли охнули, вскочили на своих тронах, стараясь через спинки разглядеть, что происходит. Тиберий и Тибулл поджали ноги и завороченно глядели на белого медведя, который ворочался на полу.

— Осторожно! — закричал дядя Саша, подбегая было к медведю, но тот ринулся на дядю Сашу, зацепил его плечом и сшиб с ног, а сам развалился на две половины.

Из разорванной шкуры выскочили Моня и Перегретый. Но, пожалуй, это был уже не Перегретый, а Переодетый. И даже не Переодетый, а просто Одетый с ног до головы.

В кепке и в костюме, в брюках, закатанных выше колен, у стены, на которой висел санитарный шкафчик, стоял Василий Куролесов.

В одной руке он держал веник, в другой — потрепанные Монины брюки.

— Так ты еще и в костюме! — взревел Моня и, как бык, наклонил голову.

Куролесов выставил вперед веник.

— Нож! У него нож! — крикнул кто-то. — У него в венике нож!

— Нож? — сказал Моня. — У тебя нож в венике?

— Да нож у него! — снова крикнул розовый голый король. — Вон блестит через веточки.

Моня отступил на шаг, оглянулся на распахнутое окно и вдруг схватил брюки, которые лежали в кресле Тибулла, вспрыгнул на подоконник и махом вылетел за окно.

Зал влажно ахнул. Тибулл бросился за Мо-

ней, делая такие жесты, которые хотелось назвать «хватательными движениями».

Мы с Длинным подбежали к окну и разом перегнулись через подоконник. Я был уверен, что Моня уже лежит под окном с абсолютно усталыми руками и ногами, но увидел другую картину.

Моня, оказывается, еще и не приземлился. Он летел вниз, но медленно, очень медленно. В первую секунду я даже подумал, что его поддерживают в воздухе волны пара, которые вываливали из окон первого этажа, но понял, что ошибаюсь.

Под окном бани стоял человек в соломенной шляпе, из-под которой высывались огромные рыжие усы. Он смотрел вверх и пальцем подманивал приземляющегося Моню.

Моня брыкался в воздухе, изворачивался, размахивал Тибулловыми брюками, стараясь улететь в сторону, но палец неумолимо манил его к себе, и Моня мягко приземлился, наконец, прямо в руки старшины Тараканова.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

К бане подъехал автофургон из города Карманова. Моня и старшина Тараканов, обнявшись, взошли по лесенке внутрь его, и фургон выкатился в переулок. Все тетеринские банные короли выставились в окна, провожая его.

Да, тайнинская смесь Моне не помогла. Больше того, она ему явно навредила. Раздирающий душу запах протянулся от Карманова до Тетеринских бань, и собаки, которые

случаем попали на эту адскую тропу, начисто, конечно, потеряли чутье. Зато Василий Куролесов ни разу не сбился со следа. Вот только нос у него немного распух.

— А это ерунда, — сказал Вася. — Помажу перловской мазью и как рукой снимет. В Перловке старикан живет, так он избобрел мазь против тайнинской смеси. Здорово помогает.

Куролесов достал из кармана узорчатый флакон синего стекла и сунул в него мизинец. С глубоким уважением смотрели мы, как Василий Куролесов мажет себе нос. А он мазал его обстоятельно, со знанием дела. Нос куролесовский на глазах приобретал прежние размеры.

— Дядя Вась, — сказал Длинный, очень робея, — а что у вас в венике было?

— Ничего не было, — ответил Вася, широкими заключительными мазками придавая носу законченный вид.

— Как же так! Я сам видел: что-то блестело.

— Показалось тебе... от волнения.

— А веник? — сказал Длинный. — Зачем вы его на голову надели?

— Обычная маскировка. Боялся — вы мне дело сорвете. А маскировочных средств — никаких. За Монея я должен был только наблюдать, а тут ты влез с брюками.

— Я хотел, чтоб дядя Саша милицию вызвал.

— Молодец, — сказал Вася и похлопал Длинного по его покатоному плечу.

Тетеринским переулком вышли мы на Са-

довую, дошли до метро, остановились рядом с продавщицей пирожков.

— У нас-то в Карманове пирожки покрупнее будут, — сказал Куролесов, покупая всем по пирожку. — У нас одной начинки столько, сколько весь этот пирожок. Да и начинка у нас вкуснее. А тут специй мало.

— Сюда бы лаврового листа напихать, верно, дядя Вась? — сказал Длинный.

— Верно, — сказал Вася и, добив пирожок, спросил: — Ну, а у вас как дела?

— Никак.

— А следов на крыше не искали?

— Искали, — махнул рукой Длинный. — Да не нашли ничего. Пуговицу нашли.

— Покажь.

Длинный вынул из кармана пуговицу и почтительно подал ему. Вася повертел ее в руках.

— Совпадение, наверно, — задумчиво сказал он.

— Как то есть? — не понял Длинный.

— Да нет, это совпадение. Капитан ищет человека, который ворует телевизоры. Телевизор жуткий! На месте преступления оставляет пуговицы: то солдатские, то матросские. Железнодорожных, правда, не было. Да и не может один человек воровать и голубей и телевизоры.

— Почему?

— Сам подумай: голуби и телевизоры. Очень уж разные вещи. Не могут они ужиться в одном мозгу.

— А вдруг это такой мозг, в котором могут?

— Не думаю, — сказал Вася. — Ладно, возьму пока пуговицу, покажу капитану.

Он нырнул в метро, и мы с Длинным пошли к дому. От метро мы взяли было быстрый темп, но потом Длинный начал отставать, и мне приходилось поджидать его.

— Не хочу домой, — сказал наконец он. — На голубятню смотреть не могу.

В бане Длинный был молодцом и у метро, прощаясь с Васей, держался как надо, а тут совсем скис. У него наступил полный упадок сил.

Не так уж часто, но порой приходится видеть человека, который куда-то бежит, кричит, яростно звонит по телефону, требует билетов, денег, пропусков, ругается с продавцами, пишет письма, полные гнева, горячится, кипит, добивается и вдруг — упадок сил. Он уже никуда не бежит, ничего не требует, а смотрит блеклым взглядом на мутный мир и видит, к примеру, плакат:

«ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ»

«Не могу, — думает он. — Не хочу смотреть и видеть все это».

Тусклое висит над ним небо, и тупое солнце жалкими лучами слабо освещает мелкий румянец на его невыпуклых щеках.

«Упадок сил, — говорит он сам себе. — Крушение надежд».

Печально, очень печально, когда человек теряет надежду. В шлепанцах на босу ногу сидит он в комнате, которую снимает у Петра Петровича, глядит в стену или в телевизор, нервно спит, тупо просыпается. Он скоро умрет, потому что потерял надежду.

Мы с Длинным тоже потеряли надежду, но умирать пока не собирались.

Мы пошли потихоньку домой, к Зонточному переулку, а надежда плелась где-то сзади, стояла у плаката «ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ», зашла за чем-то в сберкассу, а скоро и вовсе отстала от нас.

ПОКУПАТЕЛЬ-РАЗГИЛЬДЯЙ

Между тем человек, в мозгу которого совмещались не очень-то совместимые вещи, вышел из дома и направился к трамвайной остановке.

«Станный все-таки у меня мозг, — думал он. — Сам не пойму, как это в нем совмещаются голуби и телевизоры. Это, конечно, мозг художника. С одной стороны, я люблю природу — отсюда и голуби. Но, с другой стороны, я же современный человек, и вот вам пожалуйста — телевизоры. Удивительный мозг. Двусторонний!»

Похититель улыбался, ласково гладил свою голову, в которой заключался чудесный двусторонний мозг. У него было хорошее настроение. Да и погода, надо сказать, была сегодня отличная.

На бульварах пахло тополиным клеем. По асфальту прыгали воробьи цвета проселочной

дороги. В небе летали голуби, и Похититель любовался ими, весело похищая взглядом то одного, то другого.

«Славная погодка, — думал он. — Самая погодка для сбыта краденого. Хорошая, славная погодка. В такую погоду хочется немного любви».

У трамвайной остановки Похититель затормозил, насторожился и оправил висящий за спиной рюкзак, в котором был спрятан садок с монахами. На остановке стояло пять милиционеров.

«Неважная примета, — подумал Похититель. — А не привел ли Монька хвоста? Тайнинская смесь штука ненадежная, уж больно воняет».

Подозрительно оглядел он милиционеров, незаметно попытался заглянуть им в глаза. Милиционеры отворачивались, а когда подошел трамвай, дружно вспрыгнули в него, осветив вагон пуговицами и галунами.

На всякий случай Похититель подождал другого трамвая, на котором и доехал до вокзала. По дороге он встретил не так уж много милиционеров, человек десять, не больше. И на вокзале, и в кармановской электричке они попадались редко. Похититель даже подсчитал, сколько приходится на один вагон. Получилось — полтора.

«Это еще можно жить, — думал Похититель. — Нас, Похитителей, наверно, больше».

На рынке в Карманове он вообще вздохнул свободно. Нигде, куда ни кидал он взор, не было видно милиционера, только колченогая рыночная толпа валила в ворота и вываливала из них. Слышался пестрый базарный гул и равномерный, как морской прибой, шорох подсолнечной шелухи под ногами.

Похититель добрался до башни, на которой росла береза, и неожиданно наткнулся на гражданина Никифорова. До этой минуты Похититель и гражданин Никифоров никогда не видели друг друга, и все-таки эта встреча неприятно поразила их.

«Какие у него бегающие глаза», — подумал Похититель.

— Гражданин, — сказал гражданин Никифоров, — проходите, не заслоняйте товар.

— Чего такое? — с яростью переспросил Похититель, хотел добавить еще пару слов, но удержался. Неведомо по какой причине ему вдруг захотелось схватить грабли и ударить гражданина изо всех сил.

Усилием воли Похититель подавил это желание, отошел в сторону, достал из рюкзака садок с голубями. Но долго еще не мог он успокоиться, с ненавистью повторяя про себя:

«Товар ему, подлецу, не заслоняйте!»

Только через полчаса он немного успокоился, но тут же заволновался по другому поводу: на голубей никто не обращал внимания. Грабли расхватывали. Даже солидный седой подполковник купил двое граблей, чем удивил Похитителя. Он никак не мог сообразить, за чем подполковнику грабли.

«Огородничает понемногу», — решил Похититель и снова стал шарить глазами по толпе, выискивая подходящего покупателя.

Рынок шевелился, бормотал и выкрикивал, топтался вокруг голубей, но не замечал их.

«Голуби — отжившее явление, — убеждался Похититель. — Садок с телевизорами им нужен».

Только после обеда появился покупатель. В вельветовой кепочке, сдвинутой на нос, в рубашке с расстегнутым воротником, откуда выглядывала тельняшка, он шел сквозь толпу, и походку его хотелось назвать разгильдяйской. Крупный, вздорный нос торчал из-под кепки, и по этому носу ясно было, что владелец его готов каждую секунду кинуться в драку.

«Голуби, мои вы милые,

Голуби, вы — сизокрылые», —

напевал покупатель-разгильдяй, и слово «сизокрылые» он говорил с таким упором, что получалось — «шизокрылые».

— Монахи? — спросил он, бесцеремонно обрывая песню и указывая пальцем в садок.

— Три с полтиной хвостик, — немедленно ответил Похититель.

— Два хвост, полтинник глазки, — сказал покупатель и разгильдяйски поковырял в хулиганском своем носу.

— Монах доброкачественный, — пояснил Похититель.

Разгильдяй сомнительно покачал головой, присел на корточки и ткнул пальцем сквозь прутья садка.

— У кого украл? — тихо спросил он.

Похититель вздрогнул, но тут же понял, что перед ним человек очень опытный, бояться нечего.

— Далеко отсюда, в Вышнем Волочке. Крылья подрежешь, поддержишь месячишко, а там — выпускай.

— Беру по тройку.

— С тебя — пятнадцать, — согласился Похититель.

— Подставляй лапу, — сказал разгильдяй.

Похититель подставил лапу, на ладонь его лег небольшой и круглый, похожий на монету серебряный предмет. Это была железнодожная пуговица.

В первую секунду Похититель не узнал ее, но вдруг дрожь и холод схватили его за плечо. Сжав пуговицу, он запустил ее прямо в нос покупателю-разгильдяю и, забыв про монахов, бросился бежать.

Вилля вправо-влево, он продрался через толпу, проскочил в задние ворота рынка и мимо ярмарочной трибуны, тира «Волшебный стрелок» выскочил на шоссе и побежал вон из города Карманова.

ПЛАЧ ПОХИТИТЕЛЯ

Слезы текли по щекам Похитителевым и блестели на солнце.

Километров десять отмахал он от Карманова и теперь, задыхаясь, сидел в придорожной

канаве, глядел на автомобили, которые проносились мимо, и плакал.

«Неужели я попался? — думал он и с дрожью вспоминал разгильдяйского покупателя, в котором сам черт не разобрал бы работника милиции. — Нет, нет, не может быть. Про телевизоры никому ничего не известно. Наверно, я попался только по голубиной линии, а по телевизионной все пока в порядке».

Похититель успокаивал себя, но успокоиться не мог. Слезы текли из глаз его непрерывным потоком, и в солнечном свете казалось, что лицо Похитителя усыпано драгоценными камнями. Скосив глаза, пытался он рассмотреть свои слезы. Потом достал из кармана зеркальце и, увидев утомленное лицо, зарыдал еще сильнее.

Одна слеза долго висела на кончике его носа, а повисев, отпала наподобие капли из водопроводного крана. На ее месте возникла новая, похожая на хрустальную подвеску от велепной люстры Колонного зала. А по щекам текли самые разнообразные слезы — и скупые, и горькие, и мужские, и сиротливые, с десяток крокодиловых и одна особенно какая-то перламутровая. Выставив язык, Похититель бережно собирал свои слезы. Но все-таки не удержал перламутровую. Она упала на лист подорожника и разлетелась вдребезги. Похититель встал на колени, чтоб собрать ее, но уронил новую слезинку, и в том месте, где упала она, неожиданно расцвел ландыш.

«Надо начинать новую жизнь, — думал Похититель. — Поступлю на работу, как все люди, буду иногда кататься на лыжах. А телевизоры верну владельцам. Вот, скажу, было дело, крал, а теперь возвращаю, потому что решил начать новую жизнь. Вот будет здорово, может, даже в газетах про меня напишут статью под названием «Золотой человек». Пускай бы эта статья так начиналась: «У этого человека самое главное — душа. Она у него — золотая. Да, он был вором, но воровали его талантливые руки, а душа рвалась им помешать. Руки и душа вступили в непримиримую борьбу, и вот наконец-таки душа победила и направила талантливые руки на служение общему делу. Так да здравствует душа и да здравствуют руки и да здравствует же общее наше дело!»

Прикрыв глаза, Похититель ясно различал газетную страницу, на которой напечатана статья, читал ее с горькой радостью и плакал, чувствуя, как в груди его золотится душа, а в карманах тяжело лежат талантливые руки.

«Надо, надо, надо, — думал он. — Надо начинать новую жизнь. И для начала брошу воровать. Но, конечно, не сразу брошу, а постепенно. Сразу никто ничего не бросает. Даже курить и то бросают не сразу. Брошу воровать голубей, а телевизоры пока еще буду. Но немного. Раз в неделю. Этого мне пока хватит. Потом — раз в месяц, а то сразу отвыкнуть трудно. Все-таки телевизор — приятная вещь, включишь и глядишь. Да и для будущей кни-

ги о моих преступных деяниях надо набрать побольше материала.

Все эти мысли слегка успокоили Похитителя, он отер слезы, выскочил из канавы на шоссе.

Вернувшись в этот день домой, Похититель достал «Краткую опись» и записал:

«Сегодня пережил тяжелое душевное потрясение. Решил взять в руки штурвал своей жизни, решил начать новую, совсем новую жизнь, потому что влачить старую больше нету сил».

ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

Наш двор — колодец. И в колодце этом начинался вечер, потому что солнечные лучи не могли проникнуть внутрь двора. Они натывались на четырехэтажные стены, и только голубятня-буфет и гардероб да верхушка американского клена были освещены.

Бабушка Волк сидела, как всегда, под американским кленом и, когда мы вошли во двор, сказала:

— Хочешь, Длинный, я тебе шифоньер подарю?

— Конечно, чего там, — крикнул дядя Сюва с третьего этажа. — Бери шифоньер, Длинный, купишь новых голубей. А сейчас сыграй что-нибудь, душа просит. Воскресенье ведь.

Длинный вынул из кармана гармонику, безвольно дунул в лады — жалобный, щемящий, печальный звук выполз из нее и поник в нижних ветках американского клена. Дядя Сюва нахмурился.

— Ладно, Длинный, — сказал он. — Подкину тебе трояк на голубей.

— Трояк, — встряла Райка. — Взялся давать — давай, а то — трояк.

— Откуда у меня больше? — обиделся дядя Сюва. — Сама знаешь, какая у меня пенсия. Даже телевизора нет.

— На лимонад хватает, — сказала Райка. — Только об своем роту и думаешь. Я бы Длинному и пятерку дала, если б он не так разорился.

— Да я у тебя и не возьму, — сказал Длинный, немного загораясь.

— Эх, — сказала бабушка Волк. — Сейчас бы селедочки баночной.

— Да что ж вы, бабушка! — крикнул дядя Сюва. — Сегодня селедку давали. С красными глазами.

— С красными всю разобрали, — крикнула сверху тетя Паня. — Осталась только с голубыми!

— Люблю красноглазку, — заметила бабушка Волк.

— И правильно, — заметил дядя Сюва. — Если у селедки красный глаз, значит, посоле-на, как надо, а если голубые — пересол.

— Слезим на голубятню, — сказал Длинный, убирая гармошку в карман. — Поглядим, может, еще след найдем. А что? Так бывает.

По пожарной лестнице через чердак вылезли мы на крышу. Длинный стал шарить во-

круг голубятни, а я и не искал никаких следов, я давно понял, что все эти поиски ни к чему, голуби никогда не вернутся на голубятню. И Длинный это чувствовал, но поиски как-то успокаивали его. Конечно, Длинный переживал все сильнее меня, но и он, в конце концов, понимал, что не так уж велика беда, бывают в жизни печали пострашней.

— Если б это были не голуби, а телевизор, я бы и не волновался, — сказал Длинный. — Но ведь голуби-то живые, сам понимаешь.

— Еще бы, — сказал я.

— И летают, — добавил Длинный, глянул в небо, перевел взгляд на крыши.

С крыши нашей не было видно так далеко, как с кармановского мостика, но все-таки мы видели почти всю Москву — кремлевские башни, серые шпили высотных домов, Ново-Спасский, Андроньевский и, конечно, весь наш Зонточный переулочек лежал под нами. Как рыбы, плавали по крышам предзакатные блики, соскальзывали вниз, ныряли на дно переулочка.

Как огромный зонт, с одной стороны пасмурный, с другой — ослепительный, стояло небо над Зонточным переулочком. Вдали, у Крутицкого теремка кто-то гонял голубей, и они совершали по небу широкий круг от Москвы-реки до Крестьянской заставы.

— Чьи это голуби? — задумался Длинный, стараясь по манере полета угадать, кому принадлежит стая.

— Широконосовы, — ответил он сам себе.

— А это чей?

— Одинокий, — печально сказал Длинный.

Да, бывают такие — одинокие голуби. Не дикие, не домашние. Хотя и вывелись они в городе, на голубятне, а все равно летают и живут одиноко — ни к сизарям не могут пристать, ни к витютням, ни к домашним стаям. Что-то в них есть такое, от чего они мучаются всю жизнь. Тянет дикая стая, но и от дома, от города, где родились, не могут они оторваться. Так и мечутся меж теплым городом и дальними лесами.

«Вот так же и я», — думал в это время совсем нами позабытый жилец Николай Эхо. Он стоял у окна в двадцать девятой квартире и тоже глядел на одинокого голубя.

«Вот так же и я, — думал он. — Такой же одинокий голубь — летаю, парю, порхаю, а что толку?»

Жилец перегнулся через подоконник и глядел то на одинокого голубя, то на окна Райки Пауковой. Глаза его отчего-то покраснели, и сердце билось мягкими неудачными толчками.

— Куда ты летишь, мой пернатый друг! — хотелось крикнуть Жильцу, но он удержался.

Одинокий голубь обошел Крестьянскую заставу, далеко вверху, очень высоко пролетел над ширококоносовой стаей и вдруг остановился в воздухе, сложил крылья и вниз головой стал падать на землю.

Перекувырнувшись пятнадцать раз, он раскинул крылья и мягко опустился на резную верхушку гардероба.

ПОЧТА ПОХИТИТЕЛЯ

День неумолимо клонился к вечеру. Солнце утонуло в оврагах за дальними кооперативными домами. Закатные полосы бродили по стенам Похитителевой квартиры, по мертвым еще экранам телевизоров, по глянцевым лицам киноактрис.

Похититель сидел в кресле, держа в руках журнал. Он разглядывал две картинки, на вид совершенно одинаковые. На одной был нарисован барсук и на другой — барсук. Под барсуками напечатано мелким шрифтом:

«Найдите на этих картинках шестнадцать различий».

Прицеливаясь взглядом то в одного барсука, то в другого, Похититель искал различия. «Ага, — думал он. — У этого барсука две ноги, а у этого три. Вот вам и различие».

Довольно скоро Похититель справился с этим нехитрым делом и вдруг неожиданно для себя обнаружил семнадцатое.

«Что за чертовщина! — подумал Похититель и принялся раздраженно подсчитывать различия, загибая пальцы. — Так точно — семнадцать!»

Похититель отбросил журнал, достал лист бумаги и шариковую ручку. Он решил немедленно написать письмо в редакцию и обругать сотрудников покрепче. Некоторое время сидел он задумавшись. Хотелось сразу же, с первой строчки уязвить редакцию, но ничего особо хлесткого он придумать не мог и начал так:

«Дорогие товарищи! Недавно я смотрел тут на ваших барсуков...»

Похититель остановился, перевел дух и только хотел сильней нажать на перо, как вдруг раздался звонок в дверь.

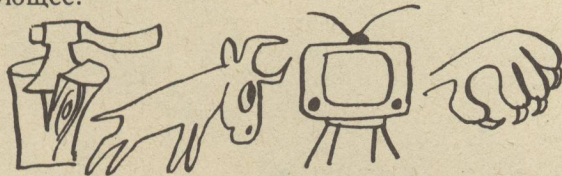
Похититель на цыпочках подошел к двери, заглянул в щель, но ничего определенного не увидел. За дверью что-то чернелось, а что именно, он не мог понять.

— Кто там? — аккуратно спросил Похититель.

— Почта, — ответили за дверью.

Похититель отворил, принял от почтальона заказное письмо, расписавшись в серой почтовой книге.

Вернулся в комнату, неторопливо распечатал конверт, достал письмо и только лишь глянул на него, побледнел совершенно смертельным образом. На листе было изображено следующее:

От ужаса Похититель немедленно сунул письмо в рот и стал его жевать, потом вынул и снова перечитал. Письмо было, конечно, от Мони и читалось так:

«Меня раскололи Скорей бодай телевизоры и рви когти».

Содержание письма настолько потрясло Похитителя, что он чуть было не стал бодай телевизоры, совершенно забыв, что «бодай» на Монином языке — «продавай». Потрясающим, на наш взгляд, было не только содержание письма. Потрясающим был также факт, что письмо отослано было из Карманова два часа назад и за эти два часа успело доехать до Похитителя. Кармановская почта, так же, как и милиция, работали поистине великолепно. Удивительным было и то, как Мони сумел написать, зашифровать и отослать письмо, находясь на допросе. Однако факт остается фактом — успел, настолько сильно было развито в нем чувство товарищества. Хотелось бы, чтоб читатель этой книги брал бы иногда с него пример.

Не зная, что делать, Похититель несколько секунд метался по комнате, схватил журнал и снова глянул на барсуков. Мозг его в этот момент работал так блестяще, что обнаружил восемнадцатое различие.

С яростью отбросив журнал, Похититель замер, схватился за грудь. Он почувствовал, что в душе его рухнула гора.

«Гора, — в ужасе подумал он, — рухнула гора!»

Похититель давно замечал, что в душе у него есть какие-то горы. Вроде даже целый горный хребет. Они помогали жить, укрепляли душу и хоть рушились время от времени, но в целом хребет был крепок. А тут рухнула огромная гора типа Эверест. Обломки ее завалили сердце, которое вдруг совершенно перестало биться.

«Вот как, оказывается, умирают», — подумал Похититель, судорожно пытаясь найти свой пульс. Пульса не было.

«А сердце! Бьется или нет?»

Сердце не билось и совершенно не прощупывалось. В отчаянии Похититель каким-то образом вывернул голову и прижал ухо к собственной груди. Сердце стояло на месте не шевелясь. Оно совершенно не билось, и тем не менее Похититель был жив. Да, это было настоящее медицинское чудо: человек с бьющимся сердцем подошел к шифоньеру, достал веревку и принялся увязывать телевизоры.

Однако связать четыре телевизора в один узел было делом совсем не простым. Даже человек с бьющимся сердцем изрядно бы попотел, а Похититель ловко опутал экраны веревкой, успевая щупать время от времени свой пульс.

Прозвенел звонок в дверь, и Похититель схватился за сердце, но оно по-прежнему молчало, окаменев.

Похититель подошел к двери, заглянул в щелочку и опять ничего не увидел: за дверью что-то серело, а что именно, разобрать было невозможно.

— Кто там? — очень ласково спросил Похититель.

— Почта, — ответили за дверью.

Похититель отворил дверь и тут же сердце

его ударило громом. Началось настоящее сердцетрясение, от которого рухнули остатки душевного горного хребта, — за дверью стояли два милиционера.

ТУРМАН И ТУЧЕРЕЗ

Я давно заметил, что люди немного глупеют к вечеру. Днем еще как-то держатся, а к вечеру глупеют прямо на глазах: часами смотрят телевизор, особенно сильно играют на гитарах, ссорятся чаще, чем днем, и главное — много едят.

Вот и мы немного поглупели. Мы глядели на Моню — и не могли понять, кто это перед нами. А он, белокрылый, в черном капюшончике, прохаживался по крыше и клевал крошки.

Наконец, Длинный упал на колени, схватил Моню, прижал к груди и осыпал градом поцелуев, не замечая, что к ноге великого турмана прикручено проволочное кольцо, в котором явно светит записка. Я хотел указать на это Длинному, но не находил подходящих слов, а «еще бы» не слишком годилось к случаю. Длинный записки не замечал.

— Еще бы... — сказал все-таки я.

Длинный не обращал внимания, целуя Моню.

— Еще бы, а еще бы, — продолжал я.

Длинный целовался и всхлипывал.

— Еще бы, черт, — не удержался я, — Моньку он видит, а записку не видит. Что ты, ослеп, что ли?

Длинный изумленно поглядел на меня.

— Еще бы тебе очки протереть, — говорил я и не мог остановиться, меня прямо понесло. — Разуй глаза, записка у Мони на ноге. Понимаешь?

— Еще бы, — ответил Длинный, но не видел записки и не понимал ничего.

Тогда я решительно взял дело в свои руки, достал записку. Вот что было написано в ней: «Пуговица сработала. Остатки монахов в количестве четырех находятся в кармановском отделении милиции. Куролесов».

Нужно ли говорить, что мы с Длинным немедленно бросились на поезд, стремительно смотались в Карманов и поспели в тот самый момент, когда старшина Тараканов кормил голубей колбасой.

— Как вещественное доказательство она устарела, — говорил старшина. — А для голубей подойдет.

— Голуби колбасу не едят, — возражал Фрезер, — им надо зерновых культур типа гречки.

Василий Куролесов выдал нам четырех монахов, проводил до поезда и долго махал рукой вслед нашей электричке.

В этот же вечер мы вернулись домой и успели погонять голубей. Весь двор, конечно, был заполнен жильцами, многие залезли даже на крышу, чтоб увидеть это чудо — монахов, летающих в вечернем небе.

Вдруг со стороны Красного дома слышался пронзительный свист. Это свистел Тимоха-голубятник. И вслед за свистом из глубины Зонточного вырвался голубь. Белый, как снег, он стремительно прошел мимо монахов, прямо подымаясь вверх.

Это был знаменитый Тимохин Тучерез.

Завидев его, Моня оторвался от стаи и дунул следом.

Тут бешено засвистел Длинный, засунув в рот буквально все пальцы, и я поддержал, и дядя Сюва, и Райка Паукова, и тетя Паня ужасно засвистела с четвертого этажа, и даже бабушка Волк засвистела тем самым свистом, который называется «Воскрешение Лазаря».

А Тучерез поднялся уже высоко и все шел вверх, чуть с наклоном, набирая высоту... Простой жалко, что не было в небе тучи, которую он бы с ходу разрезал пополам.

Вот он встал, как жаворонок, на месте, сложил крылья и камнем стал падать вниз.

Тут же Моня подхватился вокруг него — завил спираль.

Тучерез упал на крышу Красного дома, раскрыв крылья в самый последний момент, а Моня перевернулся через крыло, через голову, пролетел у самой Тимохиной головы и снова взмыл кверху, догоняя монахов.

А солнца уже и не было видно. Хвост заката торчал из-за кооперативного дома, фонари зажглись в Зонточном, а в небе появились две или три звезды. Сумрачный, фиолетовый лежал Зонточный переулочок под вечерним московским небом. Сверху, с крыши уже и не было видно лица бабушки Волк, сидящей под американским кленом, и дяди Сювы в окне третьего этажа. До нас долетали только отдельные их слова:

— Сейчас бы селедочки баночной.

— Да есть у меня пара красноглазков, заходите, бабушка.

Жильцы перебегали из подъезда в подъезд, хлопали дверями, и в окнах уже зажигался свет.

Только Жильца из 29-й квартиры не было нигде видно.

Скучный сидел он дома и перебирал перья — красные и золотые, скромные и многоцветные.

«Что в них толку, — думал он. — Взлететь мне они не помогут».

Жилец вспомнил было сон про Райку Паукову, но тут же подумал: «Какая такая Райка? Эта грубая женщина?! Да она даже улыбнуться не может. Только грубит».

Жилец захлопнул альбом, кинул его на шкаф, надел пиджак и вышел на улицу.

Мрачный, мрачный постоял он под американским кленом, вздохнул и пошел за ворота.

«Не жилец я на этом свете», — думал Жилец.

Мрачный, мрачный шел он по переулочку, шел и шел и не оглядывался назад. А зря не оглядывался, потому что следом за ним шла Райка Паукова и смеялась.

КОНЕЦ

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ЗАПРЯГЛИ СОЛНЦЕ

Удивительный дом появился в Ташкенте: к нему не протянуто электрических проводов, внутри него нет привычных батарей парового отопления. Но спросите у жителей девяти квартир — они не бедствуют. Еще бы. Ведь о том, чтобы зимой им было тепло, а летом в меру прохладно, заботится... солнце.

В летние месяцы солнце заставляет работать особые холодильники, спрятанные в стенах дома. Зато в стужу те же устройства улавливают каждый луч, чтобы повысить температуру в комнатах.

Холод и тепло в стенах накапливаются — вот почему круглый год в помещении термометр стоит на одном и том же делении.

Ну, а как же, вы спросите, свет? Его тоже льет в дом наше светило — даже тогда, когда уходит за горизонт. Вся крыша дома — это огромная солнечная батарея, которая днем запасается энергией. Отдает ее ночью...

Согласитесь: необычные обязанности поручили красному солнышку ученые узбекской Академии наук!

Но и это далеко не все. Хозяйки в этом доме готовят пищу на солнечных кухнях. Перед каждым окном — большое вогнутое зеркало. По принципу действия оно напоминает увеличительную линзу: фокусирует в одной точке солнечные лучи. Включается чудо-печка, лишь только солнце покажется над землей. При этом работает она даже при скупых январских лучах, когда за окном двадцатиградусный мороз. Все равно жар не меньше, чем над горелкой газовой плиты!

Но давайте уберем из печки кастрюли и сковородки. Взамен установим перед зеркалом небольшой цилиндр, покрытый чешуей полупроводниковых кристаллов. Что полу-

чилось? Солнечная батарея. Чем ярче солнце, тем больше она вырабатывает тока. Даже зимой сюда можно подключать транзисторный приемник... Электробритву...

Зеркало — электростанцию ученые советуют брать с собой и в туристский поход. Не переставая работать, она спрячет вас в жаркое время от палящих лучей. В дождь «зонт» надо перевернуть. А если к нему пристегнуть брезент, он превращается в удобную палатку для ночлега.

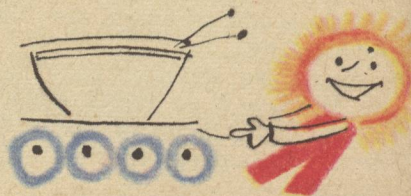
Каких только «нагрузок» не дано солнцу!

Солнце на юге нашей страны качает воду из-под земли, само поливает поля и даже... плавит металлы. Да-да, шестидесятиметровое зеркало-концентратор способно создавать температуру в несколько тысяч градусов. Такой температуре не может противостоять даже самый тугоплавкий металл!

Солнечный луч, сконцентрированный на котле, легко превращает воду в пар. Пар заставляет работать турбину. Турбина приводит в движение электрогенератор. Так мы стали обладателями необыкновенно дешевой электроэнергии. Для этого не нужно добывать уран, перегораживать реки, сжигать в топках нефть или уголь, загрязняя воздух.

— Люди осознали, что земные источники энергии истощаемы, — рассказал академик Академии наук Туркменской ССР Валентин Алексеевич Баум. — Уже сейчас ученые говорят о возможном наступлении «солнечной эры» в энергетике. Щедрость нашего светила не с чем сравнить. По своим масштабам этот дар в 35 тысяч раз превышает энергетические потребности человечества.

Солнечным электростанциям найдется место в пустынях, в горах и, конечно же, в космосе. Ведь солнце отлично рекомендовало себя, приводя

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

в движение такие аппараты, как луноход. У советских инженеров уже есть идея создания за пределами Земли огромных оптических систем, собирающих солнечные лучи и передающих их нам с помощью лазерных установок.

ЗВЕЗДА В КОЛБЕ

А не создать ли неугасимое солнце прямо в лаборатории, чтобы не зависеть от смены дня и ночи, от вечных капризов погоды, — над этим вопросом задумались ученые. Хотя и малое было бы «солнышко», да пользу приносило бы неоценимую.

И такое солнце у нас в стране строится!

Машина, способная вырабатывать энергию тем же способом, каким она получается в звездах, названа «Токамак».

Сверху конструкция похожа на гигантский бублик, полый внутри. В камере «бублика» и находится «звездное вещество» — смесь двух газов: водорода и дейтерия. Чтобы «звезда» вспыхнула, газы надо разогреть сверхмощными токами до температуры в 100 миллионов градусов. Представляете, пекло!

Стоп, воскликнет читатель, но сама «звездная» топка даже камень и тот мгновенно превратит в пар! Сгорит и «бублик». Верное замечание. Только не в пар, а в плазму обращается любое вещество при такой температуре.

Вот для того, чтобы плазма не сожгла все окружающее, ей и устроена магнитная ловушка. Весь так называемый «бублик» заключен в кольцевые магниты.

В конце прошлого года установка «Токамак-10» вошла в строй в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова. Нет, искусственное Солнце там еще не горит. Но первые признаки «звездной» термоядерной реакции ученые уже

наблюдали. Равная по мощности непрерывно взрывающейся атомной бомбе установка «Токамак» отличается тем, что реакция деления ядер находится в ней под непрерывным контролем человека.

Топлива для «Токамака», по расчетам ученых, хватило бы на миллионы лет. Когда же он будет работать? Физики-ядерщики надеются, что они получат «звезду в колбе» уже к концу десятой пятилетки.

ТОК ДАЕТ ЛУНА

Вот, думаете, быть этого не может? Может! Вращение вечного спутника Земли вызывает в море приливы и отливы. А те — те способны крутить турбины! Это доказала первая приливная электростанция, построенная на Белом море.

Она напоминает теплоход. И строили ее прямо в доке Мурманского порта. Все получилось так просто и выгодно, что принято решение начать строительство более мощной станции.

Между прочим, могут давать ток и обычные волны. Их вечная пляска уже используется энергетиками Новороссийска для подзарядки плавучих маяков.

Инженеры разных стран предлагают свои проекты для избавления человечества от угрозы энергетического голода. Предполагается взять в работу землетрясения, вулканы, молнию.

Есть мечта «извлекать» электричество даже из растений. Была идея использовать целиком земной шар в качестве вечно вращающейся турбины.

Кто знает, может, некоторые из наших читателей и будут свидетелями осуществления этих фантастических на сегодняшний день проектов, а может быть, кто-то станет их творцом!

В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунки А. Януса

ИРИНА ПИВОВАРОВА

МОЯ ШКОЛЬ- НАЯ ПОДРУ- ГА

РАССКАЗ

Рисунки Т. Соловьевой

Я лежала и думала про Люську Косицыну. Я болею, а она не приходит. Я уже целых пять дней больна, а она так ни разу и не зашла. Какая же она подруга после этого!

Подумаешь, обиделась на меня из-за какой-то чепухи! Я сказала ей, что она хоть и отличница, а глупая, книжек не читает, зубрит одни учебники свои... Так чего же обижаться, если это правда? И потом, у меня уже тогда температура высокая была. Разве можно обижаться на больного человека?

Свести у нее нет, вот что! Другая уже сто раз бы зашла, а эта только и делает что обижается. Ну и пусть. Вот возьму и обижусь на нее тоже! Никогда не прощу! Никогда! Пусть теперь подлизывается, сколько хочет, пусть даже прощения просит, — ни за что ее не прощу!

В двери зазвонил звонок.

Наверное, это Коля идет меня навестить... А вдруг Люська?.. Если Люська, я ее не пущу. Больше она мне не подруга. Пять дней не приходила! А вдруг я бы умерла за это время?

...Пришел Коля.

Он вошел в комнату, сел на стул и сказал:

— Привет. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, Коля. Плохо. Температура высокая — тридцать шесть и семь!

— Наверно, тридцать семь и шесть?

— Наверно. Ничего есть не хочется, кроме апельсинов. Даже уроки делать не хочется! Я вчерашнее домашнее задание так и не сделала, представляешь?

— Представляю, — сказал Коля. — Плохо. Запустишь все. Ты и так последнее время на одних троечках ползешь.

— Ну и что? — сказала я. — Хочу и ползу. И вообще это, между прочим, не твое дело!

— А чье же? Кто, интересно, у нас звеньевой? Кстати, я сегодня проводил сбор звена. Мы решили ко всем отстающим прикрепить шефов. Коростылева будет с Ивановым заниматься, Мухина с Длиннохвостиковой, а к тебе прикрепили Косицыну. Вы ведь подруги.

— Еще чего не хватало! — закричала я. — Очень надо. Тоже мне отличница нашлась! Целые дни свои учебники зубрит, книжек совершенно не читает!

— А ты читаешь?

— Еще как! — Я протянула Коле книжку «Как папа был маленький», которая лежала рядом со мной на столике... — Дура она, эта твоя Косицына! И воображала! Пусть только попробует меня подтягивать.

Коля вытарашил глаза.

— Ты что, с ума сошла? Вы же подруги!

— Она мне не подруга!

— Не пойму я вас. То вас водой не разольешь, а то друг на друга глядеть не хотите. Ненормальные какие-то!

И тут в двери снова зазвонил звонок.

Уран, который лежал под моей кроватью, вскочил и помчался к дверям.

— Это Косицына, — сказал Коля. — Ну, я пошел. Не буду вам мешать.

— Коля, не уходи! Мы поссорились, понимаешь?

— Поссорились — значит, надо помириться. И вообще вы своими ссорами всему классу надоели.

Он направился в прихожую.

— Привет, Косицына.

— Привет.

— Пока.

— Пока, — сказала Люська.

Хлопнула дверь. Коля ушел.

Уран, как сумасшедший, прыгал и визжал в передней. За что он любит эту Люську?!

А Люська возилась и возилась там, в коридоре. Из передней доносились ее неразборчивое бормотанье и ласковые визги Урана.

Наконец, в двери показалась Люскина челка, вернее, кусочек челки и левый глаз, светло-зеленый в желтую крапинку.

Потом показалась остальная челка и правый, коричневый глаз.

Потом тонкая шея.

Потом круглый белый воротничок.

Потом Люська вошла в комнату. Уран вбежал за ней и стал прыгать рядом.

— Уран, ко мне! — скомандовала я. — Не смей приставать к посторонним!

— Это я «посторонняя»?! Уранчик, иди ко мне, миленький!

Она расселась на моем стуле и принялась гладить моего Урана!

— Уранчик, ми-илый, я тебе котлетку принесла...

— Уран, не смей есть чужих котлет! — закричала я. — А ну, выплони! Немедленно выплони котлету!

— Ешь, не слушай ее, — сказала Люська. — Она ведь ненормальная. Вот, я тебе и колбаскихватила...

— Уран! Не смей есть эту паршивую колбасу!!!

— Видишь, Уран, что я тебе говорила? Думает, она заболела, так все так и побегут ее навещать! Прямо так по ней скучать будут, что лопнут!.. Пусть не думает! Я вовсе по тебе соскучилась, а не по ней! Я к тебе пришла. На вот тебе еще пирожок с повидлом.

Я вскочила с постели, схватила Урана за ошейник и оттащила.

— Сиди! — сказала я.

Но как только я выпустила ошейник, этот предатель Уран снова бросился к Люське!

— Молодец, Уран! — обрадовалась Люська. — Не слушай ее! Она думает, она умная, книжек много читает! Да она своего «Папу маленького» уже полгода мусолит!.. Ешь, ешь пирожок...

Пирожок мгновенно исчез в Урановой пасти. Уран повизгивал, вертел хвостом и глядел на нее влюбленными глазами.

— Правда, вкусный? Его бабушка пекла, когда здоровая была. Да, ты же еще не знаешь, что с моей бабушкой случилось? — сказала Люська. — Ты представляешь, Уранчик, мою бабушку вчера в больницу увезли!

Уран взвизгнул.

— Не верь ей, Уран! Врет она!

— Уранчик, честное слово даю, — моя бабушка утюг на ногу уронила, ее в больницу увезли!

— Врет! — сказала я.

Люська опустилась на колени на пол, обхватила Урана руками за шею, уткнулась в него лицом и вдруг... заревела.

Нет, она не притворялась. Она плакала.

Слезы катились по ее лицу. Она сидела на полу и вытирала лицо руками, а руки все были в чернилах, и все лицо ее было в чернилах, и шерсть у Урана на голове стала синяя.

Бедная Дарья Семеновна!.. Неужели ее и вправду увезли в больницу?

Бедная Люська! Сидит на полу и плачет.

Что же делать?..

— Люська, — сказала я. — Перестань реветь. Ты всего Урана чернилами перемазала.

— Мне ба-бабушку жа-алко...

— Люська, да чего ты на полу сидишь? Поправится твоя бабушка. Обязательно!

Уран жалобно заскулил. Я почувствовала, что и у меня защемило в глазах.

— Люська, — сказала я. — Если у тебя нет платка, возьми мой.

Лицо у Люски было все полосатое, красное, а глаза вдруг стали одного цвета, какого-то грустного... Она сидела рядом с моей постелью и вытирала лицо моей простыней.

— Она там ходить не может... лежит в больнице на крова-ати... Одна-а-а... Без меня-а-а...

Я не выдержала. Захлюпала носом...

— Лю-юська, ну не пла-ачь! Мне тоже твою бабушку жалко, я же не пла-ачу!.. — Я незаметно вытерла слезы простыней.

— Люсенька, ну успокойся! Ну съешь яблочко, а?..

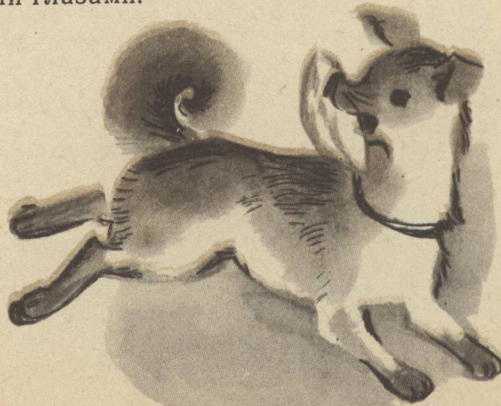
— Бабушку жа-а-алко...

— Ну, не плачь! Прошу тебя, не плачь!.. Слушай, ты же ведь подтягивать меня пришла? Что же ты плачешь?.. Тебя прикрепили ко мне или не прикрепили? Отвечай, прикрепили или нет?

— Прикрепили, — всхлинула Люська.

— Так что же ты сидишь? Подтягивай меня скорее! Вот съешь яблочко и начинай меня подтягивать. Ладно? Люсь, ну ладно? Ладно?

— Ладно, — тяжело вздохнула Люська, снова прерывисто всхлинула, в первый раз за все это время посмотрела мне прямо в лицо своими грустными глазами.

Дорогая редакция!
У меня к тебе большая просьба. Я звеньевая третьего звена, но звено мне не подчиняется, ребята на сборы звена не ходят.

Сколько раз я говорила ребятам, что так нельзя, но никакого результата нет. Девочки интересуются всеми делами, а мальчики нет. Как мне быть!

Галя Назарова,
школа № 145,
город Челябинск

Галино письмо не единственное на эту тему — с жалобой на скуку, с просьбой помочь.

Мы попросили ответить на него бывшую пионервожатую, сотрудника ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры» М. Басину.

— Я сижу над Галиным письмом уже несколько дней. Все вчитываюсь, пытаюсь представить, с чего же все началось. Может, так?

...Пришла домой и никак не могла сосредоточиться на уроках: «Зачем только меня выбрали?» Еще был Сорвался первый, с трудом подготовленный сбор звена.

Да полно, подготовленный ли? В который раз строго-настрого сказано каждому: «Мишка, после уроков остаемся! Лена, в три часа сбор. Андрей, попробуй только уйти!»

Все остались (проняло, что ли?). А ты стоишь перед ними и понимаешь, что сказать нечего. Хватаешься за спасительный вопрос: «Какие мероприятия вы предлагаете провести?» Никто ничего не предлагает. Зачем выдумывать новое, если в отряде давным-давно запланированы культпоход, КВН, экскурсия. Еще и звеном собираться? Это уж слишком! Где же время взяты! И ребята, выпалив это все тебе в глаза, расходятся.

Не спеши обвинять их. В первую очередь спроси с себя. Что предложил ты, звеньевая? Чем пробовал увлечь?

Надо было...

Нет, пожалуй, я не стану говорить об этом. Этому любой вожатый может научить. Расскажу лучше об одной девочке, которая ни у кого

совета не спрашивала. Звеньевой ее выбрали только за то, что все шесть лет она слыха тихоней, отличницей и аккуратисткой.

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Ире-тихоне удавалось собрать свое шумное второе звено только мысленно. На уроках она поглядыва-

ла то на Мишу Орлова — этот вечно занят, то на Лену Беспалову — хорошая девчонка, то на Сашку Козина — неисправимый.

По правде говоря, никто чаще Иры не вызывал к своему звену. Все было без толку...

Наконец, она была готова воскликнуть «эврика!», мысль, которая ей пришла, действительно оказалась стоящей.

...В доме настоящий переполох. Мама сбилась с ног:

— Ириша, откуда столько народа? Одиннадцать человек! Да и зачем всех приглашать на день рождения?

Ира то садилась за пианино, то что-то усердно писала, то принималась расправлять отглаженные складки на платье. Она волновалась.

Многие из ее гостей волновались не меньше! Сережа который раз спрашивал себя, чего это Ивашовой взбрело в голову пригласить его на день рождения. Сашка Козин, отмывая последние следы чернильной «татуировки», не был уверен, что надо идти. «Соберутся одни девчонки, с тоски помремь...» Но и не идти неудобно.

День рождения удался. Веселая почта, «фанты», танцы. Пришла пора расходиться по домам. Сережа сказал:

— И чего это мы раньше никогда не собирались? Поехали за город в следующие воскресенье!

— Ура! Поехали! — загалдели ребята.

Было много встреч и поездок, разговоров у костра, а главное — много добрых дел. Всей компанией ходили помогать пенсионеру Ивану Андреевичу, играли с малышами в детском саду, оформляли стенды в библиотеке. И стали друзьями. Верными, надежными, такими, что и сейчас, через несколько лет, к «звеньевой» Ирине летят Сашкины письма с БАМА, приходит учительница Лена, нет-нет да и заглянет занятой человек аспирант Миша Орлов.

Эта история не рецепт, но подумать над ней стоит.

Не всегда официальный тон и командирский приказ приносят успех. Гораздо важнее по-дружески поговорить со звеном, посоветоваться.

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ...

Однажды Света подошла к заядлому спортсмену Вадиму Алексеву.

— Слушай, Вадька, наши третьеклашки, подшефные, вызывают нас на хоккейный матч.

— Чего? Они что, с ума сошли? Какие из них хоккеисты? Мы ведь победим их в два счета.

— Ну, не знаю, малыши так этой идеей загорелись, что не отстанут от меня. Придумай что-нибудь.

Долго размышлять Вадим не стал. «Почему бы и не блеснуть?» — немного хвастливо подумал он и бросился собирать в своем седьмом «а» хоккейную команду.

Игра закончилась с разгромным счетом. Вадим торжествовал! С великодушием победителя сказал капитану третьеклассников:

— Главное — научись отбирать шайбу. И стал мастерски демонстрировать хоккейные приемы.

— Приходи завтра на каток, а? — упрасивали его малыши. — Ну, пожалуй!

— Завтра? Ладно, приду, а вам — быть в форме, ясно?

— Ясно, ясно! — зашумели ребята.

Так Вадим стал тренером. А когда его подопечные выиграли у 3 «б», он ликовал.

И только гораздо позднее, случайно заглянув в отрядный уголок, увидел в плане работы своего звена: «Создать в подшефном 3 «а» классе хоккейную команду. Ответственный — Алексеев».

— Вы что это меня в план записали? — накинулся он на ребят из звена. — Не пойду я никакую команду создавать — времени нет!

— Так чего ж теперь идти? Ты ведь ее уже создал!..

Слов нет, трудно командовать звеном. Думаю, что труднее, чем быть физоргом или редактором стенгазеты. Но только трудности эти преодолимы, если есть у звеньевое желание работать, самостоятельность, немного фантазии и дружеское отношение к ребятам своего звена.

СЛАСТЕНА

Забрался в малину
Медведь-сладкоежка.
В малинник протоптана
Узкая стежка.

И каждую ночь
Он по этой дорожке
Уходит туда
Посластиться немножко.

БРУСНИКА

Все похожи — близнецы —
Пухлые сестрички.
Улыбаяся, глядят
На меня бруснички.

Вижу розовый бочок
Или ярко-красный.
Он на солнышке блестит,
Будто бы атласный.

ЛИСТОК И ГРИБ

Ветерок пошумел
По широкой листве,
Подышал на березы-соседки,
И зеленый листок,
Самый слабый из всех,
Оторвался от тоненькой ветки.

Он чуть-чуть повитал
Над промокшей землей,
Поискал, где ему приземлиться.
И, увидев грибок,
Будто домик, в хвое,
Он на бурую шляпку садится.

Володя Иванов,
9-й класс, Ленинград

СУНДУЧКИ

РАССКАЗ

Игорь СМОЛЬНИКОВ

Рисунок А. Орлова

Теперь сундучки не в моде, их знают разве что по книгам или кинофильмам.

Старый матрос открывал пузатую крышку и долго смотрел на картинки и фотокарточки, приклеенные с ее обратной, вогнутой стороны... Щеку матроса бороздила слеза. Он вспоминал отчий дом, семью. Его сундучок был не простое вместилище барахла. Это был привет с родины, почта, которая приходит всегда вовремя, в самый нужный момент.

Сундучок пирата.

Он открывался медленно, со скрипом, и оттуда, из темного нутра рука в татуировке извлекала подозрную трубу, абордажный пистолет, наконец — сложенную вчетверо пожелтевшую от времени карту острова.

Сундучки, о которых пойдет речь, были попроще. Но я ими заинтересовался сразу. То есть я просто к ним прилип, когда они появились в нашем доме, в полутемной прихожей, и стояли там, как два настороженных зверя.

В конце концов я пришел им на помощь и перетащил в большую светлую комнату. Там-то и удалось как следует их разглядеть.

Один был бордовый, приземистый, с толстыми стенками. Изнутри его когда-то оклеили бумагой в розовых цветочках, но потом ее всю поободрали. Он, видимо, и чувствовал себя оборванцем, потому что зло скрипел крышкой, когда его открывали, ударял в нос запахом лежалой картошки и лука и старался быстрее захлопнуться — крышка сама падала.

Зато сидеть на нем было хоть куда. Бордовый пришелся как раз по моему росту. Я сидел на нем, доставая до пола ногами.

Второй оказался повыше, для сидения вовсе неудобный — с двумя выпирающими на крышке ребрами, железной окантовкой по углам и вдобавок с шестью барашками, которыми привинчивалась крышка.

Он был окрашен зеленой краской, такой же, как военные самолеты или грузовики-полуприцепы. И пахло от него военным — скрипучей кожей, ружейным маслом и слегка табаком.

Целый вечер мы разбирали наши теплые вещи, пересыпали нафталином, укладывали в сундучки.

Больше всего оказалось, конечно, папиных вещей: унты и бурки, меховой комбинезон и рукавицы с крагами, плотные свитера, кожаные шлемы, маски из шелковистых кротовых шкурок с прорезями для глаз... Тогда летчикам без всего этого было невозможно, потому что самолеты не отапливались, а на некоторых старых самолетах кабины вообще не закрывались колпаком, и даже летом холодный ве-

тер хлестал там и свистел, как Соловей-разбойник.

Для меня процедура укладывания превратилась и в игру и в праздник. Я залезал в просторный комбинезон и становился медведем, примерял шлем с наушниками, воображая себя в кабине самолета, напяливал даже парадную саржевую гимнастерку...

Набили мы сундучки доверху. Крышки, пружины, придавили наше богатство, и мы заперли их на замки. У бордового оказался внутренний замок, у зеленого — висячий. Зато у него были, как я уже говорил, прекрасные барашки. Я затянул их, сколько мог, но папа поднатужился и сделал еще по четыре оборота.

А потом началась война.

Папа уехал сразу. То есть он еще накануне был на полетах и дома так и не появился. Он только позвонил по телефону и сказал, чтобы мы никуда не отлучались, так как за нами в любую минуту может приехать машина и увезти за город в Бароники.

Через несколько дней нас увезли, но не в Бароники, где летом устраивали лагеря, а дальше, как считали, совсем в безопасное место. Но прошло еще немного времени, и мы вместе с другими беженцами уехали на восток, в тыл, куда уже, и правда, не могли долетать фашистские самолеты.

Сундучки остались в пустой квартире. Отец забыл о них, когда проезжал по горящим улицам, и вдруг шальная мысль ударила его: «Заскочить?»

— Сверни на Воровского, — сказал он шоферу.

Тот покосился на майора, это был крюк, а на окраине города уже рвались снаряды немецких танков.

— Успеем, Витя, не волнуйся, — успокоил майор.

Одним духом он взбежал на четвертый этаж и открыл дверь.

Быстро прошел по комнатам.

Все стояло на своих местах.

В детской бросилась в глаза раскрытая книга — «Сказки дядюшки Римуса». В прихожей на вешалке поблескивал старый реглан. Майор снял его, перебрал на руку.

Показался в дверях шофер.

— А эти что — тоже в поход собрались? — он показал на сундучки, которые стояли один на другом. — Может, прихватим, товарищ майор?

— Зачем? — пожал плечами отец.

— Чего же зазря пропадать? Места в машине хватит, — сказал Виктор, пробуя сундучки на вес.

Майор секунду колебался, потом вместе с Виктором взялся за ручки зеленого...

В конце улицы Воровского майор оглянулся

и только теперь увидел, что одно из крыльев дома охвачено пожаром.

Полуторка пробиралась на восток в сторону Днепра, то обгоняя армейские повозки и пехотинцев, то вместе с другими машинами застревая в пробках.

Шофер старался не попадать колесами в колдобины, чтобы меньше трясло, поглядывал на майора и думал о том, что тот с самого начала войны спит вот только так, урывками, в машине. Сколько они исколесили за это время?!

Красноармеец в кузове переднего грузовика замахал руками, забарабанил по кабине. Виктор понял — воздух! Он тряхнул за плечо майора, вылез на подножку. Низко над горизонтом к шоссе шли самолеты.

Люди выпрыгивали из машин и бросались в стороны.

Три «юнкерса», ревя, штурмовали колонну. Майор лежал в придорожном кювете и в бессильной злобе смотрел, как нагло утюжат колонну фашисты. А он, начальник связи авиационной бригады, лежал, как уж, в траве и лишь молил, чтобы бомба не угодила в его единственную радиостанцию.

И бомба в нее не попала. Она упала впереди, разнеся вдребезги тот грузовик, на котором он ехал.

Среди обломков, взметнувшихся вверх, были и оба сундучка. Он видел, как они описали в воздухе дугу, один за другим упали на землю, воткнулись углами в мягкую пашню и даже не треснули.

— Опять мне не везет, — чуть не плача, сказал Виктор, когда немцы отбомбились и ушли. — Третью машину уродуют.

— Не везет? — засмеялся шофер с другого грузовика. — Скажи спасибо, что жив остался.

— Кому говорить-то? — насупился Виктор, но вдруг повеселел. — Товарищ майор, а сундучки-то — целы! Надо их забрать. Разрешите, товарищ майор?

Майор махнул рукой. Ему было все равно.

А Виктор, довольный, вместе со связистом запихнул оба сундучка в кузов другой полторки.

В один прекрасный день мы получили бумагу — мама сначала ничего не поняла, а потом с двумя санками, взятыми у соседей, мы поспешили на вокзал, в багажное отделение, забирать эти сундучки.

Воистину это был один из самых прекрасных дней всей нашей четырехлетней эвакуационной жизни. И уж точно — самый прекрасный в тот холодный и голодный февраль.

Их внесли в нашу маленькую, как вагонное купе, комнату. Бордовый был здорово обшарпан, а зеленый выглядел молодцом, будто новенький.

Я это сразу подметил. Так оно и должно было произойти. Гражданский сундучок, конечно, все выдержал, что досталось на его долю, но — измотался, устал. А военному все было нипочем, его зеленое обмундирование почти не пострадало; он готов был хоть сейчас вновь ринуться во фронтовые передраги.

Меня охватила сумасшедшая радость. Все, все самое главное из нашей прошлой жизни возвращалось. А этим главным в моем представлении было прежде всего то, что касалось отца и его военной летной службы.

Мама, то улыбаясь и торопясь, то вдруг медля, с влажными глазами, складывала наше богатство на полу.

Она, очевидно, сразу прикидывала, что можно будет носить, а что придется перешить, продать или обменять на продукты...

На следующий день я выкатился во двор в меховых собачьих унтах, кожаном шлеме и меховых рукавицах с крагами. Моего бравого вида не могла подпортить даже зимняя кацавейка, сшитая мамой из какого-то линялого драпа. Кацавейка меркла, терялась, ее никто не замечал. Все смотрели на мое летное обмундирование. Еще бы — в нашем дворе ничего подобного никогда не видели!

— Дай померить, — сказал, а не приказал (по обыкновению) Валька, потянувшись к рукавицам.

Я дал. Он натянул их, похлопал, повертел и уважительно вернул.

— Это для чего? — спросил Вовка, дотрагиваясь до кожаных штрипок с кнопками на шлеме.

— Для очков, — пояснил я, — чтобы не сваливались.

— Очки у тебя тоже есть? — спросил Ремка.

— А ты думал!

— Покажешь?

— После, — важно кивнул я, чувствуя, что становлюсь хозяином положения.

После этого я стал главным авторитетом в дворовой компании по всем авиационным вопросам. Для меня, впрочем, ничего удивительного в этом не было. Я-то знал назубок летные данные не только, например, наших ястребков «И-15» или «И-16», но и каких-нибудь там английских «харрикейнов» и даже польского «Пзэээль».

Верой и правдой служили нам сундучки.

Они были неисчерпаемы. Правда, бордовый скоро опустел, и его приспособили под картошку, зато зеленый, как хороший солдат, вновь и вновь приходил на помощь.

Когда не хватало еды, шли в ход резервы зеленого. Когда в безвыходном положении оказалась моя тетушка, ей была сшита шуба из мехового комбинезона. Когда собирали теплые вещи для фронта, мы с гордостью принесли вязаную фуфайку, свитер, шерстяное белье, носки, подшлемник, две пары шерстяных перчаток.

Всю войну они были с нами — бордовый, с выпуклой крышкой, на которой было удобно сидеть, и зеленый, окованный железом, с барашками. Он и поныне стоит, готовый отправиться, куда ему прикажут, и выдержать любой удар судьбы.

ПИОНЕРСКАЯ РАБОЧАЯ СПЕЦОВКА

«Каждый пионер — участник „Пионерстроя“» — девиз юных ленинцев Монастырщинского района Смоленской области.

Внуковская восьмилетняя школа в этом районе носит имя Героя Советского Союза Володи Дубинина. Ребята и учатся старательно, и взрослым помогают. Пионерская дружина школы — правофланговая.

Среди трудовых дел есть любимое — кролиководство. Самые заботливые и старательные кролиководы — Саша Куйкин, Наташа Грибкова, Таня Гурцева, Валиа Бахмуткина.

Занимаются выращиванием кроликов и другие сельские школы Смоленщины. При Глинковской средней школе Ельнинского района кроликоферма построена самими школьниками. Едва сойдет снег и появится первая травка, совет дружины школы объявляет операцию «Зеленое лакомство». Берут ребята корзины, сумки, мешки и идут в поле. Разгорается соревнование! Иногда азартный кроликовод столько травы наберет, что самому не дотащить. Зовут на помощь звено, а то и весь отряд. Молодец да и только! Победителям соревнования вручается приз — два маленьких крольчонка.

Угранский район — самый отдаленный на Смоленщине, но это не значит, что ребята здесь в стороне от боевых пионерских дел. Осенью они участвуют в операции «Лен», подвязывают льносоломку, помогают убирать урожай.

Часто видят на фермах Ельнинского района ребят в красных галстуках. Есть постоянные отряды юных животноводов — свинок, телятниц, дояров и доярок.

Ребята прекрасно знают, что советский человек гордится трудом на благо Родины. Они стараются равняться на коммунистов и комсомольцев, передовиков труда.

Учеба и труд, конечно, тесно связаны. И часто бывает так, что хороший труд помогает учиться лучше, делает человека дисциплинированнее, сознательнее.

«Завтра мы станем взрослыми и нам доверят бригаду или цех, детский сад или школу, самолет или корабль. В наших руках завтрашний день страны. Мы обещаем, что это будут крепкие, смелые и умелые руки», — записали в рапорте XXV съезду КПСС пионеры Смоленщины.

Л. МАСЛОВА,
секретарь Смоленского обкома ВЛКСМ

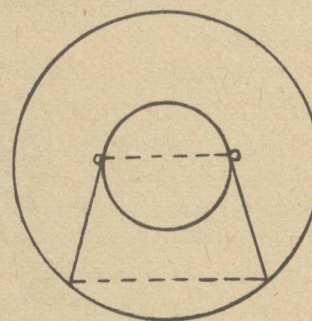
КЛУБ

Итак, ребята, помните, какие задачи предлагали вам решить в № 7?

Почему у велосипедного колеса спицы расположены не по радиусам?

Чтобы обод колеса не деформировался. Если их установить по радиусам, тогда спицы не удержат обода колеса, потому что образуют тогда между собой четырехугольник. Вот так (см. рисунок 1).

А четырехугольник — фигура нежесткая.

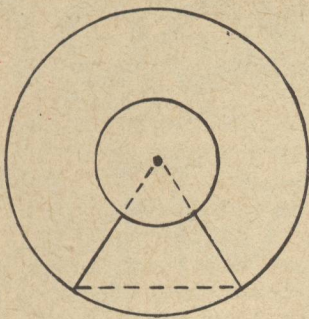
Теперь возьмите треугольник с шарнирами на углах. Форму

Кролиководы Внуковской школы

Фото Е. Бурака

никак не изменить. За-
крепи так спицы —
очень надежно полу-
чится. (См. рис. 2).

А со второй задачей о будильниках справились? Чтобы ее решить, нужно уметь слушать. Сидим и слушаем будильники. Они тикают. Сначала послушаем «тики» одних часов в течение минуты и считаем их. Потом за то же время сосчитаем «тики» другого будильника. Видите, количество ударов разное. Один будильник 20 раз отстукал, другой — 19. Получается, что вторые часы относительно первых отстают на $\frac{20}{19}$. Рассчитать, сколько будет за сутки — элементарная математика.

В часовых мастерских, кстати, так проверяют все часы. У часовщиков есть эталон — часы с выверенным ходом. И все остальные проверяются по их «тикам».

Вот вам два новых вопроса:

1. Почему зимой из рта пар идет?
2. Почему двери скрипят?

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

ВЕСНА ЗИМОЙ

Древняя Вологда! Небо на закате лиловое от мороза. Снег взвизгивает при каждом шаге. Перебегают искры-огоньки с сугроба на сугроб. Все вокруг заиндевело — ветви берез, телеграфные провода, шапки и воротники прохожих! Лица людей горят от стужи, как розовые фонарики!

А в доме, похожем на крохотный дворец, тихо и тепло. Это — средняя художественная школа города Вологды. Поднимаюсь в учительскую. Сквозь окно-витраж на лестницу падает разноцветный свет. Как я потом узнал, витраж сделали сами ребята!

Директора школы, Юрия Александровича Баранова, я не застал. Показала школу и рассказала мне о ребятах завуч Валентина Андреевна Лугинина. Валентина Андреевна художница, как и все учителя здесь. Она преподает и рисунок, и живопись, и скульптуру. Здесь нет учителей, преподающих что-нибудь одно.

А такой замечательной учительской я никогда не видел! На стенах, на столах в папках — всюду яркие рисунки! И вот что в рисунках общее — открытый яркий цвет, празднично увиденный мир! В этом мире идет розовый дождь, ослепительно сияет река, мчатся машины, яркие, как тропические птицы! На подоконниках замерли полки расписных глиняных игрушек! На специальном столике — деревянные и мягкие куклы!

— Мягкими игрушками ребята увлеклись после встречи с артистами вологодского кукольного театра «Теремок», — рассказывает Валентина Андреевна. — У нас давняя дружба со школьниками из ГДР. Мы часто обмениваемся выставками. Были наши работы и на выставках в США, в Швейцарии, Чехословакии и, конечно же, в Москве.

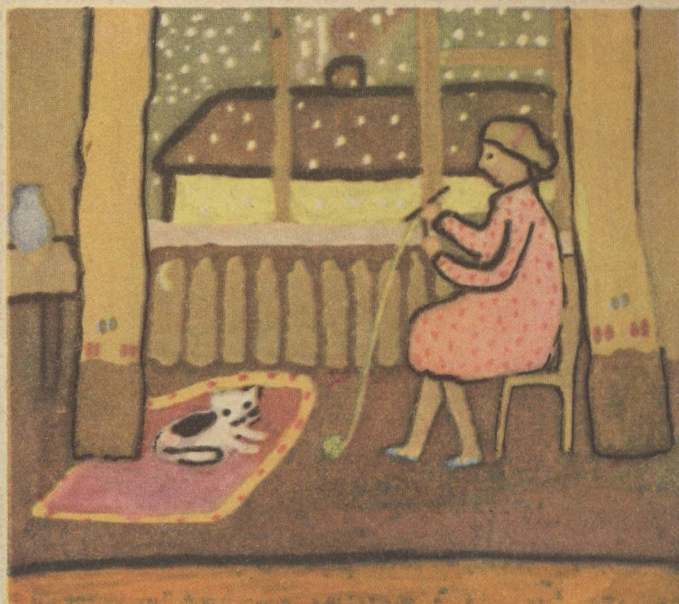
И Валентина Андреевна показывает мне целую пачку грамот и дипломов на разных языках.

Чтобы стать настоящими художниками, ребята должны как можно лучше знать древнее русское зодчество и живопись. Поэтому на каникулах мы часто ездим в Тотьму, Кириллов, Кострому, Ростов-Ярославский...

И летом, конечно же, в лес, на этюды. Северная русская природа учит мечтать.

Мы проходим по классам. Ребятам разрешают разговаривать за мольбертами. Но никто этим не злоупотребляет. Здесь все увлечены! За окном стужа и снег — а изпод кисточек выходит яростный весенний мир! Рисунки вологодских ребят ни с какими другими не спутаешь. Они декоративны, близки к народному искусству.

А. ЛИСНЯК

ПОРТРЕТ
М. Золотова, 7 лет

В ЗИМНИЙ ДЕНЬ У ОКНА...
Непогодьева Лена, 9 лет

ЗИМА
Вадим Зайцев, 11 лет

ОСЕНЬ
Миша Новинский, 9 лет

ВЕСЕЛОЕ ЛЕТО
Серёжа Брусников, 8 лет

* СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель Н. СЛАДКОВ

Виктор Николаевич Михайлов охотовед. По долгу службы ему бы ходить в лес с ружьем. Но все чаще и чаще оставляет он ружье дома, а в лес берет с собой фотоаппарат.

А почему — он сам вам расскажет.

Ружье или фотоаппарат?

Лет тридцать назад взял я в руки ружье и с тех пор считаю себя охотником. Мне приходилось жить в глухих таежных местах, где хозяевами лесных трущоб были медведи и охота была не только удовольствием, но и необходимостью, она помогала разнообразить скудные послевоенные харчи.

В то время северные леса поражали обилием зверя и птицы... С обомшелых лиственниц таранились на проходящего охотника непуганые глухари, с переспевших ягодников тяжело срывались и рассаживались по березам сотни краснобровых косачей, а поздней осенью, застилая озябшее хмурое небо, с гогом тянулись к югу несметные вереницы гусей и казарок. На простенькую самодельную свистульку не составляло труда выманить из густого ельника доверчивых рябчиков.

Лес делился своим богатством, и при желании можно было добыть много дичи. Но радость от первых удачных выстрелов меркла: после ружейного грома лес как будто замирал в недоумении, терял свое живое украшение.

Казалось, что обилие дичи будет всегда. Но год от года пустели леса. Можно еще понять, когда из сотен или даже тысяч птиц добывается какая-то разумная часть дичи, и невозможно примириться, когда охотни-

Оформление
О. Зуева

ки истребляют чудом сохранившихся в лесу последних зверей и птиц.

Наблюдая, как, повинаясь призыву первых трубачей, слетаются в туманной дымке на болотную чистинку журавли и танцами встречают восход солнца, невольно понимаешь, что ты со своим ружьем враг всему лесу. Даже дальний выстрел заставляет зверей и птиц насторожиться, предупреждая, что в лесу появился чужой.

Настоящее чувство радости и полного удовлетворения пришло только тогда, когда вместо ружья я взял в руки «фотоснайпер» — «ружье», заряженное кассетой с фотопленкой. С этого времени я почувствовал себя в лесу человеком, и, что самое удивительное, даже самые осторожные звери поняли, что я для них не опасен...

Много лет бродил я с ружьем в самых медвежьих местах, и ни разу не довелось встретиться с медведем, всегда они успевали свернуть с моей дороги, а сейчас у меня целая коллекция медвежьих фотографий. Есть снимки медведицы с тремя малышами, есть медведица без медвежат, есть на снимках крупный медведь-самец.

Сколько охотники насочиняли о медведях страшных рассказов, но все медведи, которых мне довелось фотографировать, а это часто удавалось делать с очень близкого расстояния, отличались отменным добродушием и не спешили со мной расправиться.

Как охотоведу, мне приходится иногда брать в руки ружье, но былой радости оно не приносит, даже если приходится стрелять по волкам.

Волки, если их развелось излишне много, вредны, но иногда могут быть и необходимы: ведь в первую очередь волки берут ослабленных и больных животных, не допуская распространения опасных заболеваний среди лосей или оленей.

Хищные звери и птицы составляют частицу нашей прекрасной природы. Без них лес потеряет половину своей прелести.

Моя охота на скопу

Огромное гнездо скопы видно издалека, но добрать к нему трудно. Скопы выбрали самое неприступное место среди затопленного мертвого леса, окруженного валом плавающих осклизлых стволов и огромных растопыренных корней.

Скопиное гнездо невозможно спутать с чьим-то другим — ворох толстых сучьев шапкой нахлобучен на вершину сломанного дерева. Это загадочная особенность скопиного гнезда; обломанная вершина дерева как бы протыкает гнездо и несурзным стульчиком возвышается в центре гнездового лотка. Другим пти-

Скопа на страже

Около
гнезда скопы

Насторожились...

цам такой торчок только мешал бы, а скопе он почему-то необходим...

Для съемки пришлось соорудить громоздкую вышку с укрытием из брезента. Почти неделю мы заготавливали сухостойные бревна и жерди и понемногу подносили их к месту строительства.

Скопы спокойно отнеслись к появлению около гнезда нелепого сооружения, и уже на следующий день позволили начать съемку, не обращая внимания на выдвинутый объектив и щелчки аппарата. На такую доверчивость трудно было надеяться, уж очень пугливо и осторожно вели себя скопы при появлении лодки. Заслышав звук мотора, скопы слетали с гнезда и не возвращались к нему.

Может быть, вам покажется скучным многочасовое сидение в тесном, продуваемом ветром укрытии около гнезда с птицей. Скопа обычно дремлет и только изредка поднимает голову, заслышав крик пролетающей чайки или вороны. Но фотоохотник забывает многодневный изнурительный труд, затраченный на подготовку к съемке, забывает, что шаткое сооружение может не устоять и рухнуть вместе с ним от шального порыва ветра. И ни минуты не скучно.

Испытываешь ни с чем не сравнимое наслаждение, когда удается заснять осторожную редкую птицу не в клетке, а на свободе, за ее привычными птичьими делами.

Самец как будто дремлет на вершине засохшей со-сенки, но стоит появиться вблизи серебристой чайке — любительнице набегов на чужие гнезда! — как он летит ей навстречу, частыми взмахами торопится набрать высоту, чтобы сверху броситься на нарушителя.

Чайкам нравится дразнить скоп. Из ближней чайечей колонии, откуда все время слышны их истошные вопли, особо нахальные птицы по нескольку раз за день навещают скоп, устраивая состязания в ловкости и быстроте.

На мелководье у гнезда нерестится рыба. Ночью и днем слышен на нерестилище непрерывный плеск лещей и шумная возня пудовых щук, но скопы как будто и не замечают это изобилие у себя под ногами. За весь день самец только раз летал рыбачить, да и то чуть ли не за километр. Возможно, он высмотрел большого леща. Половину рыбины сам склевал, а половину самке принес. И пока она ела да летала пить и купаться, он терпеливо сидел в гнезде, не давая яйцам остынуть...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

(см. «Костер» № 7)

1. Тритон. 2. Дарвин. 3. Горилла. 4. Борозда. 5. Козодой. 6. Олеандр.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 20-й

ЧЕСТЬ, ОТВАГА, СКРОМНОСТЬ, ТРУД

...Так назывался очерк в июньском выпуске «Морской газеты» — о ребятах из ленинградского детского морского клуба «Адмиралтеец».

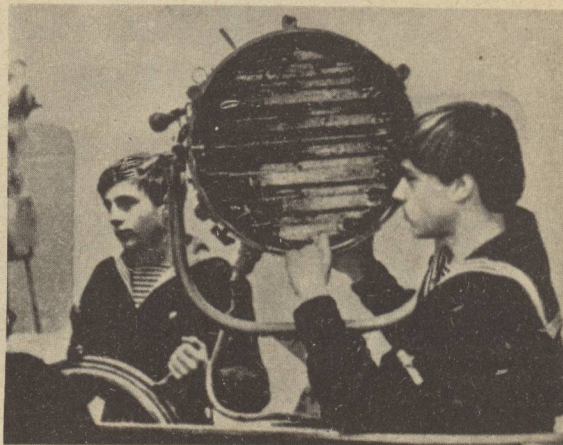
Под девизом клуба — «Честь, отвага, скромность, труд» — юные моряки живут, учатся и трудятся.

Недавно «Морская газета» получила пакет. «Адмиралтейцы» пишут, что дела в клубе идут отлично.

А фотографии, которые были в пакете, мы печатаем...

Юные моряки Андрей Зверев и Андрей Смирнов в радиорубке

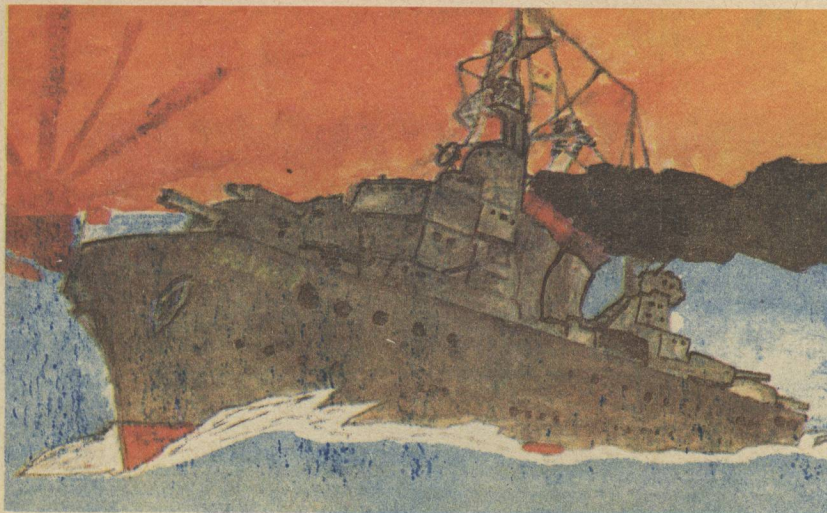

На капитанском мостике.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

НА СТРАЖЕ МОРСКИХ ГРАНИЦ
Саша Андреев, пос. Латышский
Кировской области

НЕОЖИДАННЫЙ БАРЬЕР

Когда был прорыт Панамский канал, по нему тотчас устремились из Тихого океана в Атлантический рыбы. Навстречу им двинулись «жители» Атлантики. Но на пути и тех и других неожиданно встал барьер: трасса канала проходила через несколько озер, пресная вода остановила две рыбы армии. Пробриться через барьер смогли только бычки. Впрочем, каналом легко прошли... морские змеи. Теперь тихоокеанские виды встречаются и в Карибском море.

СОЛДАТ С РУЖЬЕМ

Было это в самом начале Великой Отечественной войны. В теплую августовскую ночь 1941 года советский тральщик уходил из Таллина. К городу приближались фашистские войска, и город и порт командование приказало оставить...

Узкий и длинный корпус корабля то входил в полосы тумана, то выскальзывал из них. Ключья тумана висли вдоль бортов, цепляясь за леерные стойки.

Только миновали мыс Юминда, как вахтенные доложили командиру: «Прямо по курсу на воде люди!»

Командир поднял к глазам тяжелый бинокль. На пологих волнах качались головы, поднимались из воды обломки досок... Люди звали на помощь... Это были моряки и пассажиры с торпедированного фашистами транспорта.

Командир приказал вахтенным наблюдать за морем и воздухом. Он знал, что как только тральщик застопорит ход, его можно легко потопить торпедой или бомбой.

Вывалили за борт шлюпку, принялись подбирать с воды людей. Бросали концы с бортов тральщика тем, кто сам подплывал, подтягивали, вытаскивали. Спасли тридцать человек. Тральщик дал ход. Забился на ветру флаг под гафелем. Небо чистое, горизонт ясный. Справа слышен грохот канонады — бой идет на суше. Слева по воде гул доносится — бой идет на море...

Снова вахтенные докладывают командиру: «Видим обломки корабля, видим людей! Слева по борту...»

Развернулся тральщик. Подошел. Застопорил машины. Хорошо, что самолетов врага не видно.

Пулеметы тральщика стерегут небо, пушки нацелены в море.

— Подобрали сорок четыре человека, — доложили командиру. — Все помещения на корабле заняты спасенными!

— Возьми ключ, — сказал командир комиссару, — открой мою каюту. Двух человек можно положить на койку, трое поместятся на полу...

И скомандовал: «Полный вперед!»

Пошел, полетел на крыльях белой пены тральщик. На предельных оборотах работают машины. Далеко позади оставили остров Сескар, и до Кронштадта несколько часов ходу. Снова вахтенные: «Человек за бортом! Много людей на воде!»

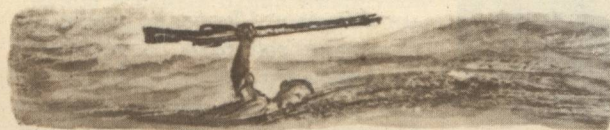
И снова командир приказывает остановиться. Сам на мостике словно застыл, навис над палубой. Уж и людей принимать некуда. Но и в море не бросишь. Командир молчит, не подгоняет, ждет. Всех до единого, кажется, подобрали... Нет, видят, один еще далеко плывет... Командир присмотрелся: человек в одном нижнем белье, в руке — винтовка со штыком, другой рукой подгребает... Подобрали и его. На палубе только и обессилел человек, упал на руки матросов.

— Прикажи, чтобы дали одежду, — сказал командир комиссару. — Да узнай фамилию... Этого солдата к награде бы представить... Солдатский долг твердо помнит. Штаны не успел надеть, а винтовку взять не забыл...

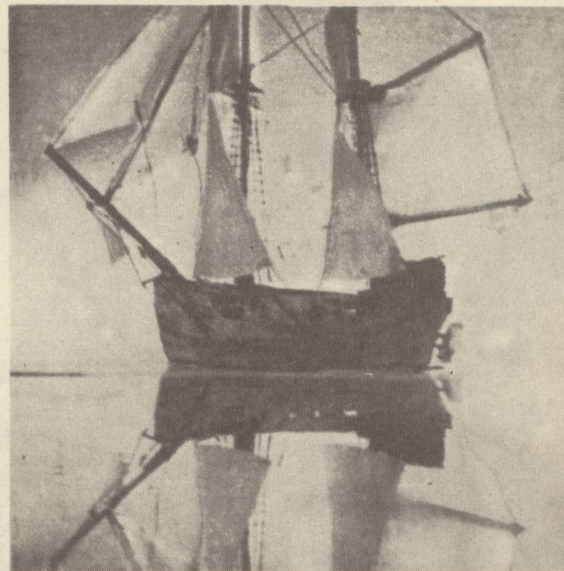
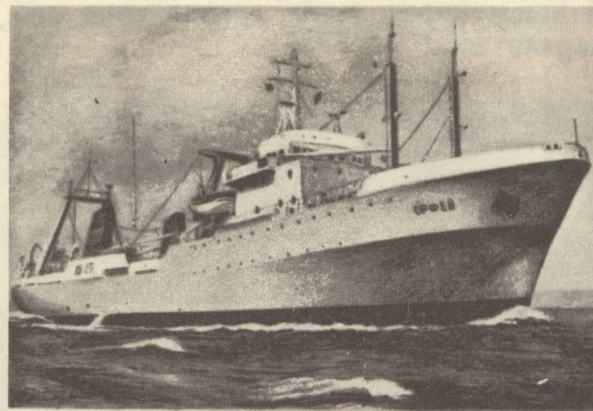
Помчался вперед тральщик. Уже близко Кронштадт, виден кронштадтский собор.

...Добрался тральщик до своих и спасенных доставил в порт. А тот солдат, с винтовкой, так среди других незаметно на берег и сошел.

Олег ОРЛОВ

Вот какое красивое и большое судно получили недавно советские рыбаки. Плавать оно может во всех широтах. На супертраулере «Орфей» можно ловить рыбу, замораживать и хранить ее, можно консервировать. Супертраулер значит «сверхтраулер» — самый-самый большой. Проектировали его советские и немецкие конструкторы, а строили на верфях Штральзунда, в Германской Демократической Республике.

Дорогая «Морская газета»! Недавно я построил парусник, то есть модель парусника — пакетбот времен Витуса Беринга. Модель очень маневренна и остойчива и ходит с хорошей скоростью. Сейчас я делаю радиоуправляемую модель подводной лодки «С-56», прославившей себя в годы Великой Отечественной войны.

Фотографию «Пакетбот на испытаниях» посылаю.

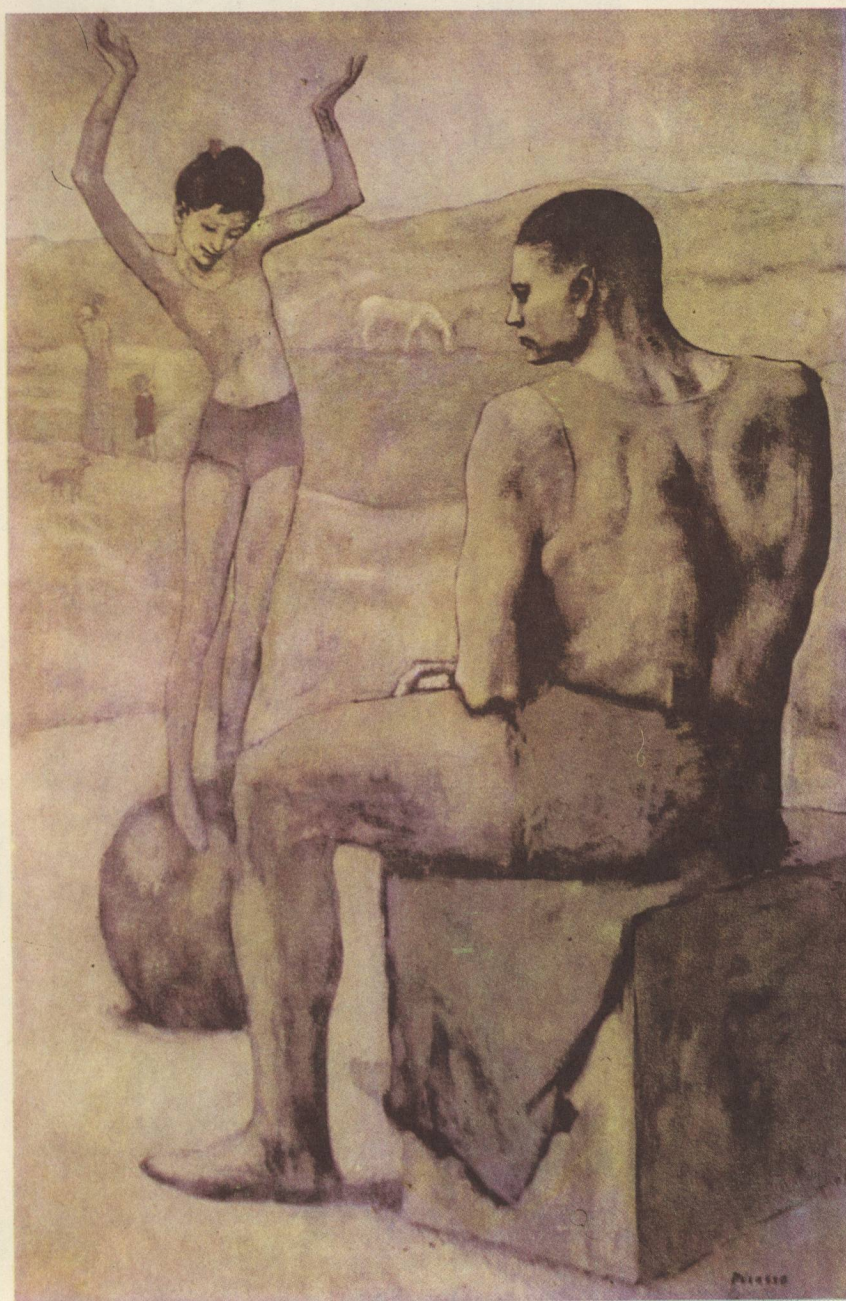
Слава Букатов, Омск

ПАБЛО ПИКАССО

„К коммунизму меня привело все мое творчество...“

Пикассо

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ 1905

Лишь тот имеет право называть себя художником, кто неравнодушен к судьбам человечества. Прекрасно выразил это чувство великий немецкий поэт Генрих Гейне: «...великая мировая трещина прошла по моему сердцу». Так мог сказать о себе и Пабло Пикассо.

Барселона. Старинный испанский город. Синее южное небо и солнце, похожее на громадный оранжевый апельсин. По улицам идут толпы живописно одетых людей. Они направляются на корриду.

В толпе идущих на бой быков — художник Хосе Руис Бласко. Он крепко держит за руку мальчика в коротких вельветовых штанах, в беретике, напаянном чуть ли не на самые уши. Это его сын, Пабло Бласко, — в будущем великий художник Пабло Пикассо (он возьмет фамилию матери Марии Пикассо).

Мальчик взволнован. Еще бы! Как здесь ярко, празднично. Арена посыпана свежим песком, она так ослепительно сверкает на солнце, что сверху кажется озерцом расплавленного золота. Разъяренный бык мечется, стараясь поддеть рогами дразнящих его пикадоров...

Хосе Руис Бласко писал магазинные, трактирные вывески. Лавочники заказывали ему семейные портреты, картинки с лебедями, луной, средневековыми замками. Особенно много заказывали голубков, и уставший за день отец поручал Пабло дорисовывать им лапки. Голуби Пикассо... Пройдет много лет,

в Париже, в своей мастерской на улице Сент-Огюстен, он будет держать голубей самых различных пород и расцветок. Он даже маленькую дочку свою называет Палома, что значит по-испански — голубка.

Весной 1949 года в Париже открылся первый конгресс сторонников мира. Был приглашен и Пабло Пикассо. На одном из заседаний художник быстро, не отрывая пера от бумаги, нарисовал голубя, прекрасное женское лицо и пшеничный колос. Этому рисунку была уготована

работает, легко справляется с заданиями. По рисунку, композиции и анатомии — он один из первых!

В дальнейшем недоброжелатели будут упрекать художника в неумении рисовать «как все»! А юный Пикассо мог с закрытыми глазами нарисовать с точным соблюдением пропорций любую античную скульптуру.

У мальчика появляется новое увлечение — «бродячий» театр. В конце девятнадцатого столетия еще оставались в Европе представители древнейшей про-

вида детина. Заложив руки за спину, прохаживался длинноусый полицейский. В полдень его сменял другой, с такими же длинными усами. Уныло плелся в свою контору с портфелем под мышкой старик нотариус.

И вдруг... это могло произойти раз в месяц, в неделю или даже в год, — в затхлый мирок площади врывалось что-то необыкновенное, фантастическое! Акробаты в розовых, голубых, малиновых трико, усыпанных золотыми блестками, смешные, густо накрученные клоуны в

**ЦИРКОВЫЕ
АРТИСТЫ 1901**

ПОРТРЕТ СЫНА В КОСТЮМЕ ПЬЕРО 1924

удивительная судьба! Как будто по волшебству, пикассовский голубь «вспорхнул» с блокнотного листочка и «облетел» весь мир. Рисунок сразу же стал символом парижского конгресса, украсил страницы газет и журналов в самых отдаленных уголках планеты.

Осенью 1895 года Пабло поступает в барселонскую художественную школу. Он много

фессии странствующих комедиантов.

В представлении Пабло они не походили на обыкновенных людей, они казались ему ожившими героями сказок.

На маленькой темной площади, куда выходили окна отцовской мастерской, изо дня в день происходило одно и то же. Рано утром открывал свою лавку мясник, здоровенный, мрачного

колпаках с бубенцами, печальный Пьеро с напудренным лицом, в белой куртке с длинными рукавами, озорной арлекин в маске, в пестром домино, лошади с разноцветными султанами, ослики, ученые обезьянки, попугаи.

Все бегут на представление, и маленький Пабло — один из первых!

Он упивается игрой артистов,

АРЕНА 1959

их удивительными трюками, он смеется над хныкающим Пьеро, рукоплещет весельчаку арлекину и старому клоуну. Все здесь необыкновенно: собачки, умеющие считать, танцующие лошади, обезьянки, складывающие из букв слова.

Пабло невольно переводит взгляд на зрителей: мальчишек, разносчиков, полицейского, лавочников, и не узнает их! Лицо угрюмого мясника сияет совершенно детской улыбкой, полицейский смеется взхлеб, приседая и хватаясь за бока, даже на морщинистом лице старика нотариуса появилась бледная улыбка.

Заставить этих людей рассмеяться, — думает Пабло, — может лишь чудо! И совершили его веселые чародеи — странствующие комедианты.

До глубокой старости Пикассо сохранил неиссякаемую любознательность, стремление все познать, всему научиться! В его творчестве было множество увлечений, периодов, которым он сам придумывал иногда чуть шуточные названия. У него был «голубой» период, когда в картинах преобладал таинственный

ГЕРНИКА 1937

„Герника“ — самая значительная картина Пикассо.

26 апреля 1937 года фашисты жестоко разбомбили небольшой испанский городок Гернику. За три часа город был сравнен с землей, погибло более трех тысяч женщин, стариков, детей. Злодеяние фашистов потрясло художника. Он пишет знаменитую „Гернику“.

Пикассо не изображает конкретный факт: фашистские самолеты, бомбы, рушащиеся здания. Он создает обобщенный образ страшной трагедии.

Предметы разорваны на сотни острых осколков, освещены таким же разорванным на плоскости светом, напоминающим зловещий свет военных прожекторов.

Замкнутое со всех сторон пространство, похожее на ловушку, создает впечатление безвыходности обреченных в нем погибающих существ. Искаженные подобию человеческих фигур кричат от боли и отчаяния, это вопль матери, на глазах у которой убили ее ребенка, это предсмертный стон женщины. Образы свирепого быка и умирающего железного коня воплощают животную ярость, слепую все разрушающую силу, а античная маска с рукой, держащей светильник, воспринимается как символ трагической музыки художника, несущей свет в это царство гибели, но бесильной воскресить мертвых и кричащей криком боли и протеста.

голубовато-зеленый цвет, был и «розовый» период (к нему относятся картины из жизни комедиантов); был период увлечения искусством народов Африки, так называемый «негритянский», был период «кубинский», «классический». Для Пикассо не существовало лишних вещей, ненужных материалов, он смог сотворить чудо из проволоки, жести, чугуна, бронзы. Семидесятилетним он обучился литейному, гончарному мастерству, занялся керамикой. Восьмидесяти лет он создает множество цветных литографий, линогравюр. В них — удивительный, сказочный мир, еще с детских лет пленявший художника — фантастические существа из любимых Пикассо древнегреческих мифов, клоуны, Пьеро, арлекины, рыцари, пажы, среди них и портрет испанского идадьго — навеянный страницами Сервантеса рыцарь Печального Образа, чуть смешной, с большими грустными глазами.

Подобно странствующим актерам, художник ездит по всему свету. Его выставки устраиваются в Париже, Лондоне, Берлине, Нью-Йорке. Но самая

первая и, пожалуй, самая большая коллекция произведений Пикассо оказалась в Москве. В 1914 году замечательный русский коллекционер С. И. Щукин приобрел у Пикассо пятьдесят картин. Вместе с купленными Щукиным у Матиса, Вламминка и других художников произведениями они составили коллекцию основанного Щукиным в Москве Музея современного западного искусства, впоследствии Музея им. А. С. Пушкина.

В 1936—1937 гг. он принял участие в борьбе за Испанскую республику и создал цикл офортов «Мечты и измышления генерала Франко», снискавший ненависть испанских фашистов. После гибели республики он возвращается в Париж и пишет знаменитую «Гернику», исполненную гнева и возмущения фашистским варварством.

— Вашу картину поймут лишь знатоки! — предсказывали художнику ревнители «чистого», свободного от политики искусства. Но они ошиблись. Простые люди, испанские эмигранты-республиканцы потрясены были этой картиной! В годы

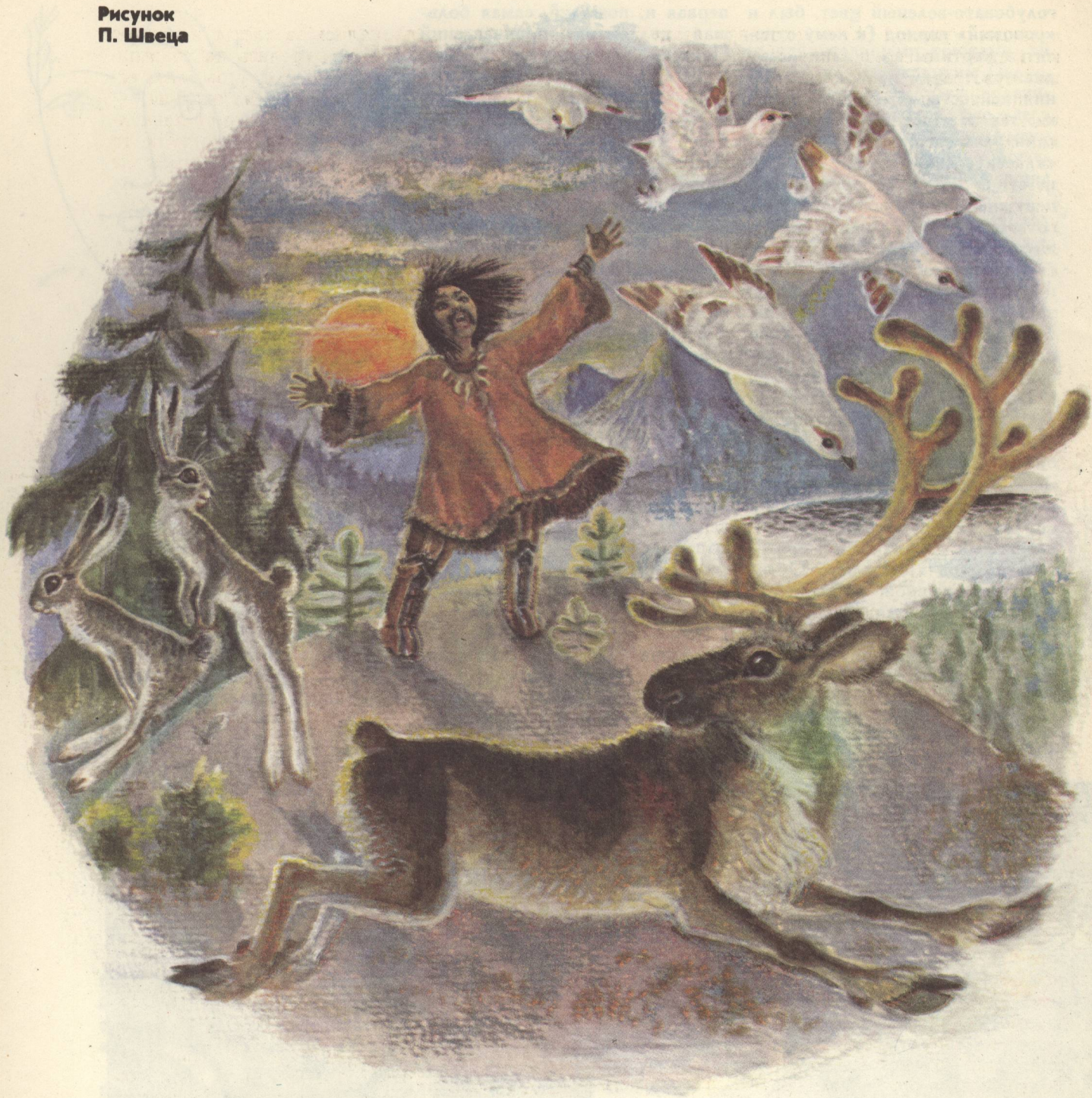
РИСУНОК ИЗ КНИГИ СТИХОВ ЭЛЮАРА „ЛИЦО МИРА“ 1950

войны и немецкой оккупации многие французы, участники Сопротивления, не расставались с репродукцией «Герники». Она стала символом борьбы с фашистским варварством.

В 1944 году Пикассо вступает в компартию Франции. Все «трещины» послевоенного мира находили отклик в творчестве коммуниста Пикассо.

Д. НОРИН

ОХОТНИК-КАРИБУ

СКАЗКА ЭСКИМОСОВ АЛЯСКИ

Жил когда-то охотник. У него была жена и двое маленьких сыновей. Но была у него и теща. И что бы ни делал охотник, она была недовольна. Парку* ее украшали дорогие со-

больи хвосты и узорный меховой кант шириною в ладонь. Но она всем жаловалась, что охотник не заботится о семье. Запасов съестного хватало у них на всю зиму, даже и для собак, но теща вопила, что охотник держит их впроголодь. Нет, куда ее зятю до других, на-

* Парка — меховая одежда.

стоящих мужчин! Жена охотника была другого мнения о своем муже, но все равно охотник чувствовал себя несчастным.

Он решил навсегда покинуть свой дом. Наполнил кладовые мясом и шкурами, а все свои ловушки и сети, копы и стрелы, гарпуны и лодки передал жене и велел отдать сыновьям, когда они подрастут и, по обычаю, угадают назначение всех этих вещей. Горько заплакала молодая жена, но ее слезы не поколебали его решения. Он попрощался с ней и детьми и вышел из дому.

Один-единешенек странствовал охотник по тундре. Когда над ним закружились рои свирепой мошки, он понял, что скоро наступят дни туманов. С туманами пришла тьма, посыпал дождь и озера покрылись ледком. И так тяжело, так скверно стало охотнику, что он уверился: наихудшее зло на земле — быть человеком.

С завистью смотрел он на стаю белых куропаток. Они беззаботно клевали какие-то ягоды, листья и семена. Птицы были спокойные, толстые. «Ах, если бы я стал снежной куропаткой, — вздохнул человек, — я был бы счастлив!» И когда стая поднялась ввысь и полетела, точно белое облачко, по темному небу, охотник последовал за ней. Но всякий раз, когда он догонял стаю, птицы перепархивали на новое место. Весь день длилась эта погоня. А когда зашло солнце, стая исчезла за горкой.

Охотник взобрался на эту горку и увидел с вершины маленькое селение близ ручейка. Он поспешил не в чье-нибудь иглу*, а прямо в кацхги — общий дом. Внутри горела лампа с тюленьим жиром, а вокруг сидели мужчины и юноши и даже две женщины. Охотник остановился в сторонке, как и полагается чужому. Скоро к нему подошел седой старик, видимо, старейшина. «Почему ты, чужак, целый день преследуешь нас?» — спросил он. И охотник понял, кто перед ним. «Я тоже хочу стать куропаткой», — ответил он смело.

Вожак стаи удивленно посмотрел на охотника: «Неужели наша жизнь кажется тебе столь заманчивой? Да, конечно, еды нам всегда хватает. И у нас не одно пестрое летнее платье — к зиме у нас вырастают теплые белые перья, и мороз нам не страшен. Но ведь наша жизнь постоянно под угрозой. В воздухе мы добыча больших птиц, на земле — добыча хищников и человека. Ты не передумал?» Охотник стоял на своем. Тогда ему дали поесть и попить и подарили две шкуры для сна: белую, чтоб улечься, и коричневую, чтоб накрыться. Охотник прилег и вспомнил о словах старика. Ведь он сказал правду. Может быть, лучше все-таки остаться человеком?..

С первыми лучами утреннего солнца охотник проснулся. Деревня и все ее жители исчезли. А вместо белой и коричневой шкур осталось только два перышка.

И снова охотник побрел не зная куда. Вдруг он увидел пару зайцев. Они выскочили из ив-

няка и быстро принялись за листья и всякую зелень. А потом зверьки грелись на солнышке и весело гонялись друг за другом. «Ах, если бы я стал зайцем, — подумал охотник, — я был бы счастлив!» Но как только он двинулся к зайцам, те ускакали, петляя то туда, то сюда. Охотник рыскал, как ястреб, чтобы не потерять их из виду. И всякий раз, когда он приближался, зайцы кидались прочь. На закате они исчезли за небольшим холмом.

Охотник взошел на холм и пристально осмотрел долину ручья, уже покрытую вечерними тенями. Он увидел маленькое одинокое иглу, побежал к нему и нашел там старичка и старушку за вечерней трапезой. Хозяева угостили и охотника, а когда все насытились, старик спросил: «Скажи, чужак, почему ты преследовал нас целый день?» Охотник поведал свое горе и сказал, что он очень желал бы жить счастливо, без забот, как они. «Ты не будешь счастлив, если станешь зайцем, — сказал печально старик, — ведь нам приходится хуже, чем кому другому. Большие птицы пикируют на нас с неба, волки и лисы подстерегают нас на земле. Норки и ласки воруют наших детей. А люди расставляют ловушки, чтобы одеться в наши шкурки. Обдумай-ка все хорошенько!»

Старики дали гостю меховой мешок для спанья. Охотник забрался в него и задумался: так ли уж хороша и привольна жизнь зайца, как он себе представлял?..

Когда он проснулся, на небе уже сияло солнце. Но иглу, оба старика и даже спальный мешок исчезли, будто их и не было. Охотник лежал один на голой земле.

И снова охотник побрел по тундре в поисках счастливой жизни. Скоро он увидел большое стадо карибу. Сильные и красивые олени мирно паслись на склоне холма. Их было так много, что им нечего было бояться врагов. «Ах, если бы я стал карибу, — подумал охотник, — я был бы счастлив!» Он попытался приблизиться к стаду, но всякий раз стадо снималось с места. Он гнался так до заката, пока карибу не исчезли за высоким холмом.

Охотник поднялся на купол холма и увидел сверху большую деревню. Не колеблясь, он направился прямо в кацхги. Там было полно народу. Охотник остановился, как и следовало, подальше от света жировой лампы. Кто-то дал ему поесть, а когда он насытился, к нему подошел старик и спросил: «Почему, охотник, ты преследуешь нас целый день без лука, стрел и копы?» — «Я не хотел никого убивать, — ответил охотник. — Я сам хотел бы стать карибу и жить вместе с вами». — «Но почему же ты хочешь стать карибу, если ты человек?!» И охотник рассказал свою грустную историю.

На следующий день охотник проснулся, как только взошло солнце. Деревня исчезла. Тундру припорошил снег и сковал мороз. А вокруг теснились карибу. Охотник взглянул на свои ноги — это были ноги карибу, тронул голо-

* Иглу — куполообразный дом из снега.

— Да, — ответил Роберт Скотт. — Мне дают, правда, всего тысячу фунтов. Но готовы дать пятьдесят тысяч, если я возьму вас с собой на Северный полюс, и согласны заплатить миллион, чтобы я вас там оставил.

ЧТО ДЕЛАЮТ ВОЛКИ?

Говорит Владик Диме:
— Был я вчера в зоопарке. Чего я там только не видел! Слоны слоняются по площадке, зубры зубрят таблицу умножения, ежики ежятся, обезьяны обезьяничают, быки бычаться, совы потихоньку советуются между собой, козули косятся на волков, а волки... волчатся... нет, волокутся... нет, не волокутся, а... А правда, что делают волки?

С. НИКОЛАЕВ
Рисунок Л. Чепец

8

УГОЛЁК № 9

Еще мне в школу не пора,
Придется подрасти,
Но в первый класс идет сестра.
Счастливого пути!

Рисунок Т. Капустиной

ОСЕНЬ

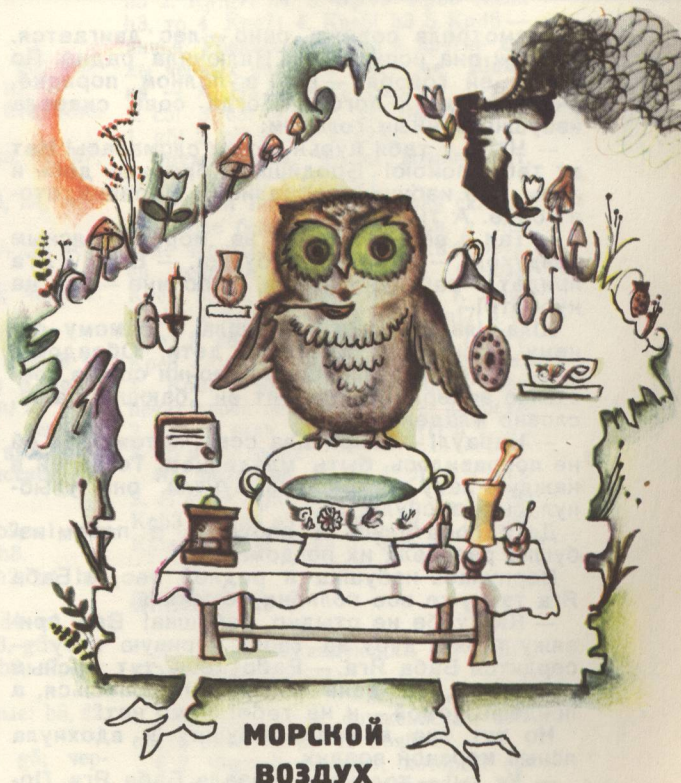
Дождь
Внезапно
Разразился
И меня застал в саду.

Я корзину
Накрылся
И под дождем иду.

Только вдруг
Как даст по донцу!

Я подумал — это град.
Поглядел —
В траве, как солнца,
Влажно яблоки блестят.
Н. МЕРЕЖНИКОВ

Рисунок
О. Бадаевой

МОРСКОЙ ВОЗДУХ

А. ЛИСНЯК

Рисунки Ф. Васильевой

Избушка на курьих ножках пошла погулять к морю. Идет себе потихоньку — топ, топ. Баба Яга на работе. Солнышко светит. Настроение у избушки такое, будто она — дворец.

Тут в ней проснулась домашняя сова Фекла. Домашняя сова Фекла варила щи Бабе Яге, вот и жила в избушке.

4

5

НАШИ РАЗГОВОРЫ

Рисунки Э. Копыловской

Лето кончилось. Листья собрались падать. Птицы собрались на юг. И мы тоже собрались. А раз уж собрались — получился сбор. Сбор октябратской звездочки.

— Ого, — сказал Уголёк, — как вы все выросли.

— Ага! — сказал Степа. — И загорели.

— Не „ага“, а „да“, — сказала Галя. — Вырос, а умнее не стал.

— А я, — похвалилась Оля, — всех в лагере перепрыгала, перебежала и переплывала. Глеб, а что это у тебя на руке за царапина?

— Так, — ответил Глеб. — Ничего особенного. Я путешествовал.

Дальше, о чем говорили, записала Галя, „САМОЕ ГЛАВНОЕ, — сказал Степа, — учиться без двоек“. — „И без троек“ (это я сказала). „Может быть, и без четверок? — возмутился Степа. — Я и так весь прошлый год без четверок учился. Знаете, как влетало!“ — „САМОЕ ГЛАВНОЕ (это Глеб сказал) —

2

Посмотрела сова в окно — лес движется. Вот уж она испугалась! Включила радио. По радио ей говорят — все в полном порядке, очень хорошая погода. Тогда сова сказала избушке сонным голосом:

— Чтоб у тебя курья ножка сломалась! Нет от тебя покою! Бродишь и бродишь день и ночь. Все избушки собрались в деревни, стоят себе. А ты!

— Так я ведь к морю, за морским ясным воздухом! — говорит избушка. — Баба Яга придет с работы усталая, а во мне — как на курорте!

Шла-шла избушка и пришла к самому синему морю. Там купались дети. Обрадовались, залезли в избушку. Девочки сову в простыню завернули, говорят ей „баюшки-баю“, словно младенцу.

— Караул! — закричала сова, потому что ей не понравилось быть младенцем. Тогда ей в каждую лапу по конфете сунули, она улыбнулась и заснула.

Дети покатались в избушке, а потом избушка развезла их по домам.

Вернулась избушка в родной лес, а Баба Яга там уже все полянки обыскала.

— Как тебе не стыдно, избушка! Вот привяжу тебя к дубу за твою куриную ногу! — сердится Баба Яга. — Работаешь тут лесным дворником, за день метлой намашешься, а придешь домой — и на тебе! Дома нет!

Но тут она вошла в избушку и вдохнула ясный морской воздух.

— Ух ты! — только и сказала Баба Яга. Потом она с удовольствием поела щей из морской капусты и снова сказала: — Ух ты!

И Баба Яга заснула в обнимку с домашней совой Феклой, которая вся измазалась шоколадными конфетами и улыбалась во сне.

А избушка заботливо закрыла внутри себя полезный морской воздух, чтобы он не улетучился.

6

НАШИ РАЗГОВОРЫ

Степа летом жил в деревне у бабушки. Он старался ей во всем помогать, только не всегда они с бабушкой друг друга понимали.

БАБУШКА ГОВОРИТ: Пойдем в огород, надо лук посадить.

А СТЕПА ОТВЕЧАЕТ: Давай лучше рогатку посадим. Их у меня две. А лук один, он мне еще пригодится.

Бабушка права. И Степа тоже прав. Как же так?

БАБУШКА ГОВОРИТ: Надо бы воды из колодца натаскать. Я устала, рядышком постою, а ты ворот крути.

А СТЕПА ОТВЕЧАЕТ: Чего его крутить-то! Только рубашку помну.

И опять они оба — и бабушка, и Степа — правы.

Но бабушка почему-то рассердилась и заворчала:

— Ты, Степа, как будто для „галочки“ работаешь. А не от души.

— Да я Галку никогда не слушался, — возмущается Степа. — Это только Уголёк ее расхваливает. Подумаешь, отличница!

Никак бабушка со Степой друг друга не поймут. Хоть плачь!

7

знать, что на свете происходит. Газеты читать, радио слушать, везде бывать, где успеешь. — „И телевизор смотреть“ (это Степа сказал). „Помогать родителям и учителям“ (это Уголёк добавил). „Как это — учителям?“ (это, конечно, Степа спросил). „А не мешать им, — сказала Галя, — не мешать урок вести. Это очень важно.“ — „САМОЕ ГЛАВНОЕ — быть сильным, ловким, всех перепрыгать и перебежать“ (Оля сказала). „И переплюнуть“ (Степа добавил). „САМОЕ ГЛАВНОЕ, — сказала Оля, — чтобы Степа замолчал. А то я обижусь и уйду“. — „САМОЕ ГЛАВНОЕ, — сказал Уголёк, — не ссориться и быть дружными“.

— Да ну их, девчонок, — сказал Степа. — Вот я вам лучше про лето расскажу.

Что рассказывал Степа, читайте на 5-й страничке.

3

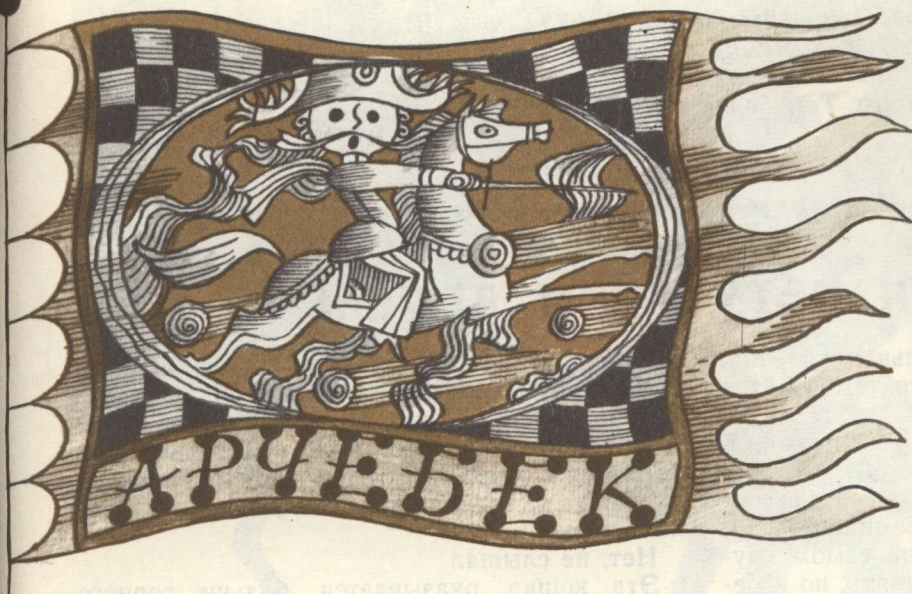

Рисунок Г. Ясинского

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ

Как начать партию белыми? Хороших равноценных ходов несколько: и 1. е4, и 1. d4, и 1. с4, и 1. Кf3. Любой годится! Но помни: 1. d4, 1. с4, 1. Кf3 обычно ведут к замедленной «окопной» борьбе, а 1. е4 — к игре живой и острой.

В давние времена почти все шахматисты начинали партию ходом 1. е4. Цель была одна: быстро развить фигуры, приступить к штурму черного короля. Других способов игры не знали, к тому же защита была не на высоте, и потому ради создания ранней «штыковой атаки» на жертвы не скупились.

Вот одна из проторенных дебютных тропинок — популярный некогда вариант «гамбит Муцио». В нем белые бесстрашно жертвуют коня и в партиях с таким началом было одержано немало славных и красивых побед. Попробуй и ты, рыцарь, взять на вооружение этот дебют — испытай свои силы в стремительной атаке!

1. е4 е5 2. f4 еf 3. Кf3 g5 4. Сс4 g4 5. 0—0! gf 6. Ф:f3 Фf6 7. е5! Белые жертвуют еще пешку, чтобы вскрыть нужную для атаки вертикаль «е», после чего возникает позиция на ди-

аграмме. Игра в ней обещает много интересного и белым и черным.

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Сегодня — второй разрядный тур. И тот, кто выступил успешно в первом, пусть успех закрепит, а кто на чем-то «поскользнулся» — сможет свои дела поправить. Ведь разыгрываются 60 очков!

Задание шахматистам —

№ 7. Белые: Крb7, Фf5, п. g3; черные: Крh5, Сg5, пп. a7, g7, h7.

№ 8. Белые: Крh3, Cd5, Cf6, Kh6, п. d2; черные: Крf4, п. d4.

№ 9. Белые: Кре4, Лh1, пп. с2, h7; черные: Крг2, пп. с3, h3.

№ 10. Белые: Кре4, пп. b4, h4; черные: Кре6, пп. b5, h5.

№ 11. Белые: Крс5, пп. a5, с6; черные: Крс7, п. a6.

№ 12. Белые: Кра8, Лс3; черные: Крh8, Cd1, пп. d2, d6.

Что нужно найти? № 7 и № 8 — мат в 3 хода; № 9 — в 4 хода; № 10 — чем окончится игра, а) если ход белых, б) если ход черных; № 11 — могут ли белые выиграть; № 12 — могут ли белые спастись.

Задание шашистам —

№ 7. Белые: Д. h4, пр. b2, c1, g3; черные: пр. a3, b4, d4, g7, h8.

№ 8. Белые: d4, e1, f2, h2, h4, h6; черные: e3, e7, f6, f8, g7.

№ 9. Белые: b2, c1, с5, d4 e1, e3; черные: a3, a5, a7, c7, e7, g3, g5.

№ 10. Белые: Д. f6, пр. b2, e7, g5; черные: пр. b4, b6, f2, h4.

№ 11. Белые: a7, f4; черные: b8, d2, f2.

№ 12. Белые: пр. b2, b4, g5; черные: Д. e3, h2.

Что надо определить? № 7 (С. Петухов) и № 8 (И. Кобцев) — могут ли белые выиграть; № 9 — тут ход черных, хорошо ли им играть 1... ab4;

№ 10, 11, 12 — чем должна закончиться игра.

Рапорты, написанные небрежно, а также поправки и дополнения приниматься не будут. О конверте, полученном от Ферзьбери: в нем шахмат-адмирал пошлет ответ на рапорт, поэтому крупно и ясно напишите на нем собственный адрес и, сложив пополам, вложите в письмо с рапортом.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь шахматы — белые: Крд2, Се5, п. с5; черные: Крb1, пп. a2, b7.

Эта позиция была напечатана в книге сирийца Стаммы в... 1737 году! Сначала сосчитай, сколько ей лет, а потом реши: покажи путь к победе белых.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 6 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Ca2 Крг7 2. Фg8+ Крf6 (Крh6 3. Cf7) 3. Фf7+ Кре5 — черный король пытается спастись бегством в угол a1. Что будет? 4. Фе6+ Крд4 5. Фd5+ Крс3 6. Фс4+ Крb2 7. Фb3+ Кра1. Удрал? Нет! 8. Сb1! Б. Удивительно, но белые не проигрывают! 1. Крг6 h5 2. Кр:g7! h4 3. Кр:f6 Крb6 (если h3, то 4. Кре7) 4. Кре5! h3 5. Крд6 — ничья. Убедись сам, что и другие ходы черных ведут к тому же. Шашки — А. На b2—a1? следует 1. fe5! 2. с5! 3. с3! 4. e3X. Б. Выигрыш — 1. g5! 2. с5! 3. c7! 4. e7X.

Оруженосцам. Чтобы возник пат, белые играют 1. Лс4+!

Экзамен Пешкоедова. Знай сказал: при ходе белых везде ничья, а при ходе черных можно победить в третьей позиции. Разберем ее (белые: Кре5, п. е4; черные: Кре7). 1. Крд5 Крд7! 2. Кре5 Кре7! 3. Крf5 Крf7! 4. е5 Кре7 5. е6 Кре8! 6. Крf6 Крf8 7. е7+ Кре8 — ничья. А при ходе черных? 1... Крд7 2. Крf6! Теперь король обеспечит своей пешке «зеленую дорожку»! 2... Кре8 (или Крд8 3. Крf7! и т. д.) 3. е5 и все ясно.

На полигоне. № 1. 1. Лg6! Сg8+ 2. Л:g8+ Крh7 3. Лg6 № 2. 1. Сb1 Крb3 2. Фd4 a3 3. Фс5. № 3. 1. Ca4! Кр:a4 2. Фb8 Кра3 3. Фb5.

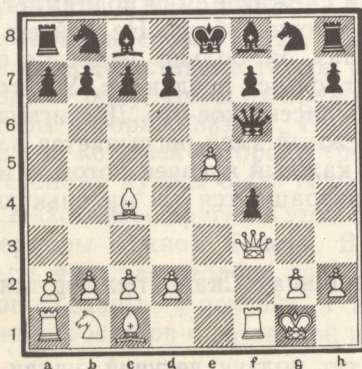
ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 15 ноября.

§ 2. Чистый конверт, который будет получен с моим ответом на рапорт № 9, сохранить до рапорта № 10.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Американцы очень любят веселые небылицы. В Соединенных Штатах устраивают состязания рассказчиков-импровизаторов. Любой человек может в них участвовать.

Что ж, послушайте и вы, ребята. Тем более что в каждой небылице есть доля правды.

Рисунок
Ю. Клыкова

Ползук летучий и другие

Конечно, Америка удивительная страна. Удивительная еще и потому, что там водятся небывалые животные.

Возьмите, к примеру, аракабору. Она живет на самых вершинах Скалистых гор.

Аракабора словно нарочно устроена для горной жизни. Ее левые ноги короче правых. Поэтому ей очень удобно стоять на самом крутом склоне горы. И не только стоять, но и бегать. При этом ее никогда не заносит в сторону, и, чтобы удержать равновесие, ей не приходится цепляться за куст или камень.

Начинает она всегда с подножия горы и бежит по спирали вверх, вверх и вверх и при этом все время жует.

Единственный способ поймать аракабору — это преследовать ее по пятам до самой вершины. Там, само собой, она останавливается, потому что дальше-то бежать некуда!

Но даже и тогда ее не так-то легко поймать, потому что она имеет привычку выворачиваться наизнанку и бежать вниз по обратной спирали.

Вообще-то в Америке водятся и другие звери, которых принимают за аракабору.

Например — косолазка. У косолазок ноги тоже с одной стороны короче, чем с другой.

Невежественные люди часто путают косолазку со скособокой или еще со сбокуныркой, а иногда даже с наскальным вьюнчиком. Но, собственно, вся разница между ними лишь в том, что одни из них левоножки, а другие — правоножки.

А еще в Скалистых горах встречается сползень горный, или попросту сачок. Похож он на кита, за исключением одной особенности: на кончике хвоста у него сачок. Если утро ясное и прохладное, вы можете наблюдать, как горный сползень действует своим сачком. Гляньте на линию горизонта, и вы увидите сползней висящими на гребне горы. Сползень раскрывает свой сачок и сползает вниз по широкому гладкому склону каньона. На дне он — хап! — зачерпывает сачком туристов и ползет вверх по противоположной стене. А добравшись до вершины, закидывает сачок на какой-нибудь скалистый выступ и, повиснув вниз головой, дремлет, переваривая свой завтрак.

Когда я впервые посетил Скалистые горы, я обратил внимание, что склоны их в некоторых местах покрыты высохшими деревьями.

Я спрашивал у старожилов, которые поселились в этих местах еще во времена Билла Бизона, отчего это так. Быть может, по горам прошелся лесной пожар? Но они только рассмеялись в ответ на мое невежество. Неужели я никогда не слышал про кошку-леталку, удивлялись они.

Нет, не слышал.

Эта кошка, оказывается, больше горного льва — кагуара. На носу у нее большая твердая мозоль. Утром кошка-леталка бежит по горам все выше и выше, пока не найдет голую вершину. Там она ложится отдохнуть, растянувшись вдоль хребта и свесив голову вниз. Отдохнув и проголодавшись, она делает гигантский прыжок, летит вниз и изо всех сил ударяет о первое попавшееся дерево своим мозолистым носом. У нее такой крепкий нос, что дерево не выдерживает удара и падает, а с него градом сыплются насекомые.

И тогда кошка-леталка длинным тоненьким язычком слизывает муравьев и прочих букашек, до тех пор дремавших под корой дерева. Так что этот огромный страшный с виду зверь на самом деле оказывается добрейшим и безобиднейшим существом на свете.

Среди снегов и ледников Скалистых гор водится еще одно занятное существо — снежный змей. Весь змей белый-белый, белее снега, а кончик хвоста у него черный. И когда змей ползет, вы видите, как черный кончик бежит вслед за ним.

Снежного змея очень трудно поймать, потому что стоит человеку подойти к нему, он тут же сворачивается и прячет свой черный кончик. А без него он делается просто невидимкой.

На краю ледника снежный змей поднимается и катится вниз, словно обруч. Не бойтесь, что, скатившись вниз, он больно ударится о твердые камни. Нет, он все предвидит. У него и на этот случай припасено кое-что. Достигнув подножия горы, снежный змей рассыпается на мелкие кусочки. И каждый кусочек потом сам ползет вверх и превращается в маленькую снежную змейку.

Вот почему на вершинах Скалистых гор так много снега.

Но при чем же тут ползук летучий, удивитесь вы? Да ни при чем. Просто для компании.

Президент Линкольн и сноллигостеры

Я уверен, вы не знаете, почему Эйб Линкольн решил стать президентом Соединенных Штатов. Возможно, вы слышали, чем он зарабатывал себе на жизнь: рубил и тесал перекладины для фермерских оград.

Но однажды в их места забрел один ловкий мошенник из Питсбурга и предложил фермерам вместо деревянных перекладин колючую проволоку. Он сказал, что колючая проволока сейчас в большой моде. И Эйб Линкольн остался без работы. Вот тогда-то он и стал подумывать, а не податься ли ему в президенты?

Фермеры словно с ума посходили и в погоне за модой ставили теперь сразу по две изгороди — одну, чтобы отгораживаться, а другую, чтобы загораживаться. Но и для той, и для другой колючей изгороди требовались столбы, а столбам нужны были глубокие ямы.

Находчивее других в этом вопросе оказались фермеры Южной Дакоты. Вместо того чтобы рыть ямы для столбов, они заглянули в каталог «Товары — почтой» и заказали партию сноллигостеров с доставкой на дом.

Вы не знаете, что такое сноллигостер? Ну, это вроде маленького кенгуру, только хвост у него немножко другой, скорее похож на штопор или сверло. Больше всего на свете сноллигостер любит подскочить повыше, а потом плюхнуться на кончик своего хвоста, да с такой силой, что хвост волей-неволей втыкается в землю.

Чтобы сделать следующий прыжок, сноллигостер изо всех сил упирается задними ногами и выдергивает из земли свой хвост. Но ямка-то от хвоста остается, смекаете?

Превосходная глубокая ямка, как раз для столба.

Еще сноллигостеры любят веселую шутку. От хорошей шутки они прыгают до небес. Они всегда всем довольны и весело смеются. Поэтому их еще называют смехунчиками-попрыгунчиками. Так что фермерам Южной Дакоты, чтобы поставить прямую изгородь, надо лишь идти впереди сноллигостеров и рассказывать им забавные истории.

Ха-ха-ха! — и готовы ямки для изгороди!

Пересказала Н. ШЕРШЕВСКАЯ

ЗАКОН БОРЬБЫ

Анатолий РОЩИН

Имя заслуженного мастера спорта СССР Анатолия Рощина хорошо известно любителям спорта не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. За выдающиеся спортивные достижения Анатолий Александрович был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Но мало кто знает, что свою первую в жизни награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» он получил, когда ему было тринадцать лет...

— Сейчас же его отпусти, слышишь? — громко говорю мальчишке, который, повергнув противника на лопатки, начинает ему выкручивать ухо. — Прекрати! Ты делаешь ему больно! Ты понимаешь это?

— Да, но мы боролись и я его победил, — гордо ответил он и, встав, наконец, с садового газона, начал стряхивать с коленок приставшие сухие травинки.

— Какой же ты победитель, если не протягиваешь побежденному руку и не помогаешь ему встать?

Мальчишка пожал плечами и с равнодушным видом приготовился выслушивать очередную нотацию.

И тут я понял: многие ребята просто не знают, что такое борьба и какая у нее удивительная история.

...Когда наши далекие предки только учились держать палку или камень, простейшие приемы борьбы были для них единственным средством во время охоты и боевых действий. Затем человек начал пользоваться дубинкой, додумался до копья, изобрел лук — и уже не решался идти на противника с голыми руками. А борьба ста-

ла спортом.

Особенно процветало борцовское искусство в Древней Греции. В поэме «Илиада» древнегреческий поэт Гомер очень подробно описал борьбу Аякса и Одиссея. В качестве основного приема хитроумный Одиссей использовал подножки. Там так прямо и написано: «...Одиссей не забыл про

коварство,

Сзади ударил его в подколенок и ноги расслабил, Навзничь его уложил и на грудь ему сам повалился...»

В русских былинах и летописях тоже немало поединков народных богатырей.

Я не знаю народа, у которого бы не было своей национальной борьбы. У грузин это «чидаоба», у армян — «кох», у якутов — «хапсагай», у татар — «куряш», у японцев — «смо», у англичан «кэтч гольд».

Национальные виды борьбы отличаются размерами площадки, на которой происходит поединок, временем схватки, спортивной формой борцов. У грузин, например, есть специальные куртки — «чоха», казахи и туркмены борются в халатах. Но основное различие в правилах и приемах. В одной

Анатолий Рощин ушел из спорта непобежденным. Его последний выход на ковер принес ему звание Олимпийского чемпиона. Это было в Мюнхене, в предпоследний день финальных соревнований по классической борьбе. Стены «Рингерхалле» сотрясались от рева западногерманских болельщиков. Еще бы, сейчас на арене появится их кумир — Вильфрид Дитрих и уложит на лопатки русского борца. Но Дитрих не вышел бороться. «У меня нет шансов выиграть у Рощина, — заявил он корреспондентам радио и газет. — Советский тяжеловес непобедим...»

борьбе можно захватывать противника только за специальный пояс. В другой разрешено делать захваты за любую часть одежды. В третьей, не боясь судей, можно хватать и за руки, и за ноги, и за туловище. Соответственно, и победа спортсменам засчитывается по-разному. Одни должны заставить противника коснуться лопатками ковра или земли, другие — добиться, чтобы соперник приземлился на четыре точки. Якутским борцам победа присуждается за бросок на спину, на живот, на бок и даже за бросок в сидячее положение.

А если соревнования международные? Тогда борцы борются по международным правилам. Это значит: схватки проходят на ковре, длина и ширина которого равна восьми метрам, срок встречи — пятнадцать минут. Но бывает, конечно,

но, что победа приходит и на первой минуте.

А теперь я бы хотел рассказать о своем друге Евгении Максимове. В детстве Женя часто болел и в классе был самым слабым. И никто тогда даже не мог подумать, что из него может получиться настоящий спортсмен. И вдруг Женя удивил: он записался в борцовскую секцию. Записался, отлично понимая, что в секции ему будет труднее, чем другим, и кто-то, может быть, будет над ним смеяться. Но он не побоялся казаться слабым.

И тот самый Женя, которого в детстве могла побить любая девчонка, стал мастером спорта и не один раз стоял на пьедестале почета первенства СССР по борьбе.

Евгений часто говорил, что занятия борьбой развили в нем не только силу и выносливость, быстроту и точность реакции, но и чувство долга.

Хорошо понимаю, почему он говорил о чувстве долга.

Лично я чувствую долг и перед своим первым тренером Яковом Невретдиновым, который учил борцовскому искусству так, словно все свои знания копил только для меня, восемнадцатилетнего грузчика московского завода «Сантехник». И перед врачом Олегом Владимировичем Николаевым, с которым я встретился в год тяжелой болезни, уже не думая, что снова смогу выйти на ковер и одержать самые большие в своей жизни победы. И еще долг перед многими-многими людьми, которые верили в меня и помогали расти в спорте.

Но в понятие чувства долга входит еще и уважительное отношение к сопернику. И об этом никогда нельзя забывать.

Не одну сотню раз доводилось мне выступать в различных соревнованиях, и всегда я радовался только своей победе, а не чужому поражению. Одно-го без другого, конечно, не бывает, но когда, закончив поединок, борцыжимают друг друга руки, они должны это делать искренне. В этом состоит главный закон борьбы.

Записала Н. ГУРЕВИЧ

ШКОЛА МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

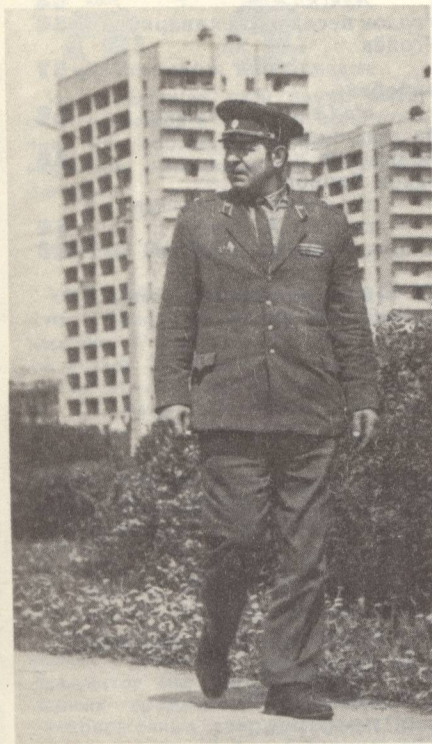
Открывается школа искусницы Маши, известной рукодельницы, мастерицы и умелицы. Все читательницы (и читатели) наши смогут под руководством Маши-искусницы научиться делать разные дела домашние, не особо сложные, но очень важные, а также овладеют множеством немудреных и мудреных искусств таких, как приготовление обедов на любой вкус, искусство шить, вышивать и вязать и, конечно, кроить, отмеривать и отрезать, делать прическу, правильно одеваться, следить за собою, словом, братья с охотой за дело любое. Итак, засучим рукава. Программа первого занятия такова:

Как надо

и как не надо одеваться

Олимпийским чемпионом Анатолий Рошин стал в 1972 году, когда ему было уже сорок лет. Теперь он тренирует молодых борцов. И до сих пор верен своей старой привычке — ходить на работу пешком, все пятнадцать километров, от проспекта Космонавтов до дважды Краснознаменного Военного института физической культуры, в жару и в мороз, в дождь и сыплет...

Искусство одеваться

Человека не зря встречают по одежке. То, как он одет, говорит о многом. Например, дорогое, сшитое по взрослой моде платье, надетое в обычный день, говорит прежде всего о том, что родители девочки готовы потакать всем ее капризам, а она сама не понимает, что такие отношения с родителями не принесут ей пользы.

Мода на различные фасоны, ансамбли и цвета меняется несколько раз в год. Но при этом остается неизменным принцип: из модных вещей носят только то, что к лицу. Выбирать платье лишь на том основании, что точно такое же платье у подруги, — мягко говоря, несерьезно. Что к лицу одному, то может совсем не подходить другому. У каждого своя фигура, рост, цвет волос и глаз, манера держаться. Человек со вкусом не наденет слишком яркую, аляповато расцвеченную одежду, заставляющую окружающих обращать внимание не на самого человека, а на его оболочку.

Все сказанное относится и к тем фасонам и ансамблям, которые мы вам сегодня демонстрируем. Вы вернулись из школы, сняли форму. В чем пойти на прогулку, в кино, в

библиотеку, в магазин? Если у вас есть какая-то любимая вещь, например, куртка из непромокаемой синтетической ткани, подбирайте остальные элементы одежды соответственно цвету и фасону этой вещи. То же самое можно посоветовать, если вам подарили какую-нибудь дорогую обнову, например, пальто. Оно, таким образом, становится главным предметом вашего гардероба, и более простые и дешевые вещи: чулки, шарф, юбка — надо подбирать соответственно новому пальто.

Можно составить ансамбль из ситцевого разноцветного платья и однотонной куртки из плотного материала или свитера. Клетчатую куртку и цветистое платье следует надевать, предварительно проверив, как они гармонируют друг с другом. Если в окраске того и другого материала есть общий цвет, куртка с платьем или юбка со свитером будут выглядеть лучше.

Один и тот же костюм можно превратить из повседневного в наряд-

ный. Достаточно изменить одну-две детали, надеть другую рубашку или нарядную блузку.

Придумав себе новый наряд, обязательно посоветуйтесь со взрослыми. Может быть, не у каждой мамы или бабушки хватает времени следить за модой, но у взрослых людей вкус более развит, чем у вас, и ко мнению взрослых следует прислушиваться. И, конечно, если вам заметят, что вы одеты слишком легко, без возражений одевайтесь потеплее. А о том, что свои вещи надо чистить, стирать и гладить самим, напоминать вам, разумеется, не нужно.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, школа!	1
статья А. Деркача	
Начало пути	3
рассказ В. Инфантьева	
Человек и корабль	10
очерк П. Соловей	
Флаг „Авроры“	12
обращение к читателям	
Расписная деревянная ложка	14
очерк Н. Кошельковой	
Барабан	16
журнал юнкоров	
Пять похищенных монахов	20
повесть Ю. Коваля	
Новости науки и техники	34
заметки В. Четкарева	
Моя школьная подруга	36
рассказ И. Пивоваровой	
Почта „Барабана“	38
беседа М. Басиной	
Стихи твоих ровесников	39
Сундучки	40
рассказ И. Смольникова	
Наш „Пионерстрой“	43
Клуб КООТ	43
Поговорим о твоём рисунке	44
Зеленые страницы	46
Морская газета	48
Пабло Пикассо	50
очерк Д. Норина	
Охотник-карибу	54
сказка эскимосов	
Аляски	56
Уголок веселого архивариуса	57
Уголёк	
журнал для малышей	
Арчебек	59
шахматы и шашки	
Из американского фольклора	60
Закон борьбы	
заслуженный мастер спорта А. Роцин	62
Школа Маши-искусницы	63

На 4-й странице обложки
рисунки О. Филипенко

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор

М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ

Технический редактор

В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

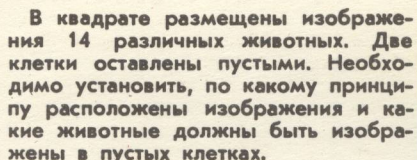
Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 74-83-84

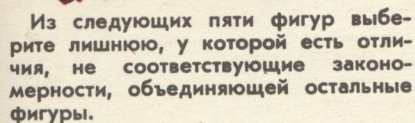
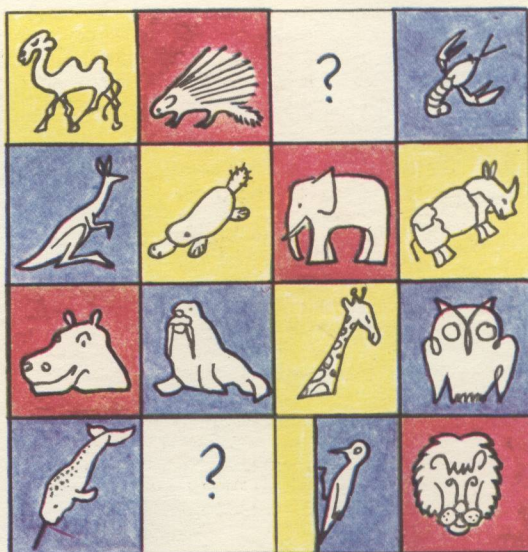
М-25088. Сдано в набор 5/IV 1976 г. Подписано к печати 29.07.1976 г. Формат 60×90 $\frac{1}{2}$
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 560 000 экз. Заказ 2791. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

Составил и оформил В. УФЛЯНД

По дороге из школы в клуб «За семью печатями» вам надо зайти в библиотеку, на почту, в обувную мастерскую, булочную, канцелярский магазин, химчистку, овощную лавку, тир, бассейн и кинотеатр. Сколько существует маршрутов из одного пункта в другой с заходом во все десять пунктов и какой маршрут будет кратчайшим? При этом, разумеется, нужно соблюдать правила уличного движения и переходить улицы только там, где есть переход.

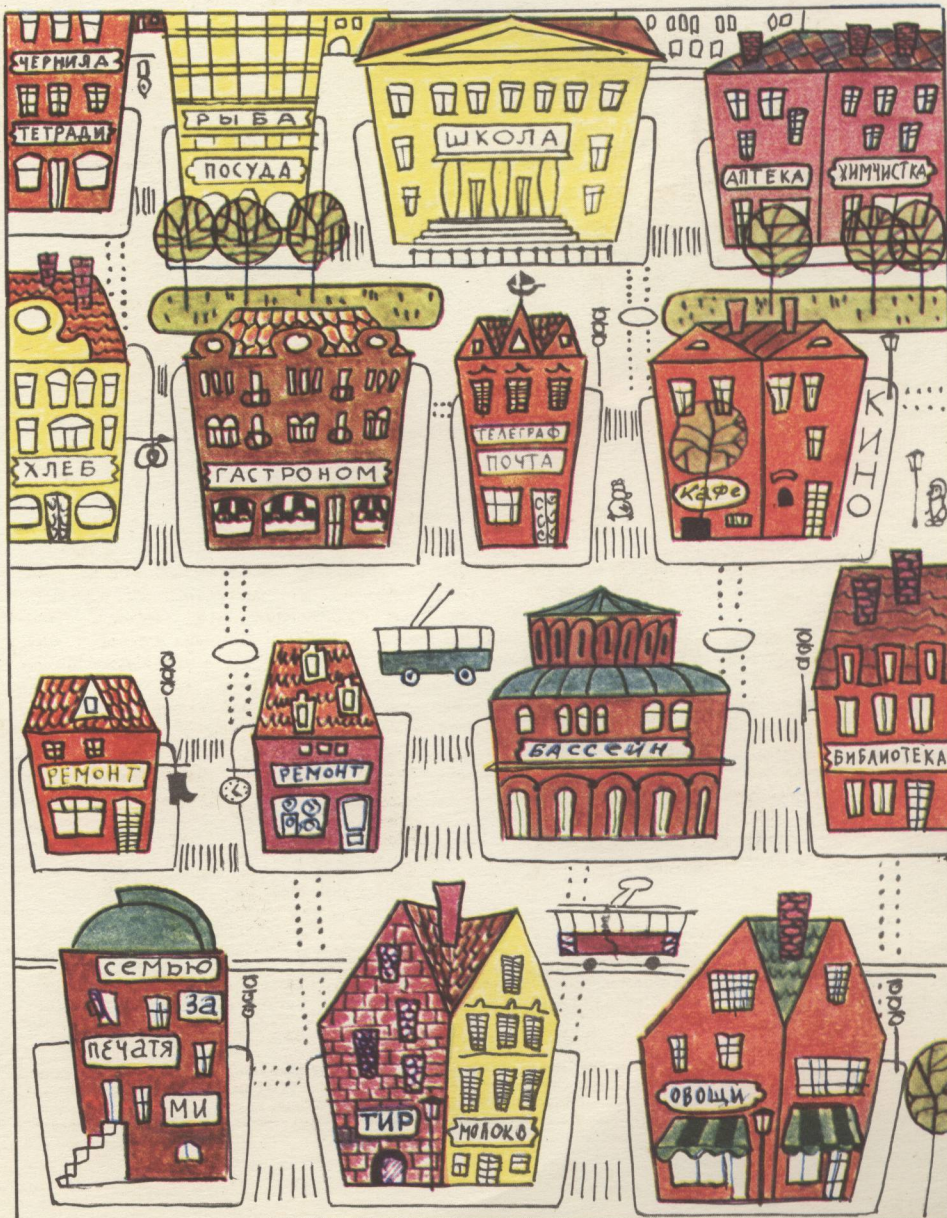

КРОССВОРД: По горизонта-
ли: 1. Щетка. 4. Кио. 6. Луб. 8. Ка-
нарские. 9. Уфа. 11. Ява. 13. Кокон.
14. Молот. 16. Вишп. 18. Гну. 20. Ки-
пение. 21. Албания. 22. Низ. 24. Ани-
ва. 25. Астра. 26. Ствол. 28. Бык.
30. Инд. 32. Известняк. 33. Рой.
34. Сом. 35: Альфа.

По вертикали: 1. Шенок.
2. Таракан. 3. Аркан. 4. Клу. 5. Ока.
6. Лея. 7. Бра. 10. Филиппины. 12. Вашингтон. 14. Мекка. 15. Тонга.
16. Вобла 17. Пряжа. 18. Ген. 19. УАЗ.
23. Известь. 26. Совка. 27. Лента.
28. Бор. 29. Кий. 30. Икс. 31. Дым.

На рисунке можно насчитать: 42 живых существа, 85 отдельных предметов (не считая деталей), 17 парных предметов, 10 предметов, расположенных вверх ногами. Примеры ответов на 3 и 4 вопрос: поплавки, стакан, будильник, портфель, телевизор, телефонная будка, машина, дом, гора, солнце. Ремень, ридикюль, ракета, рулон, радиоприемник, рупор, решето, рогатка, рогаж.

Клуб «За семью печатями» благодарит всех читателей «Костра», приславших ответы на задания, но напоминает, что высылать их не нужно. Для того и печатаются ответы на задания, чтобы можно было проверить их правильность.

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

Трудно пришлось
Якову Мынько на не-
обитаемом острове.
Но о «Костре» он не
забыл.

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

Из лесу, вестимо.
Юннаты «Зеленых
страниц» спилили су-
хое дерево. Пусть
лес будет зеленым!

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

Опять рядовой Баш-
маков получил на-
ряд вне очереди —
дрова колоть. Пер-
вое бревно — «Ко-
стру».

Чтобы не гас огонь «Костра»,
Горел светло и ровно,
И взрослые, и детвора,
Гляди-ка, тащат бревна!

1977 год — год 60-летия со-
ветской власти и второй год
десятой пятилетки.

В 1977 году тебе нужен твой
журнал «КОСТЕР».

«КОСТЕР» опубликует новые
повести, рассказы, сказки, сти-
хи, очерки, путевые заметки
советских и зарубежных писа-
телей и журналистов.

«КОСТЕР» пишет о пионер-
ской жизни.

«КОСТЕР» с удовольствием
печатает тебя.

Как всегда, ты найдешь в
журнале «БАРАБАН», «МОР-
СКУЮ ГАЗЕТУ», «ЗЕЛЕННЫЕ
СТРАНИЦЫ». Будут в «КОСТ-
РЕ» и НОВЫЕ РУБРИКИ.

В «Костре» всегда много ри-
сунков и фотографий.

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

Кинотелефотоклуб «Костра» — на трюковых
съемках. Бревно тоже участвовало в съемке.

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

На спортивных стра-
ницах — сильные
ребята. Что им сто-
ит притащить брев-
нышко?

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

Сказочный конь по-
эта — Пегас — бы-
стрее всех примчал
в «Костер» свою
ношу.

ОТКУДА
ДРОВИШКИ?

«КООТ» доставил не
простое бревно —
научное. Падает с
той же скоростью,
что и пушинка. Как
так?